

ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ — РОДИНУ ЗАЩИЩАТЬ!

ОФИЦЕРЫ

★ ЛЕВ ПУЧКОВ ★

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

ЭКСМО

Команда №9

Лев Пучков

Обратный отсчет

«ЭКСМО»

2005

Пучков Л. Н.

Обратный отсчет / Л. Н. Пучков — «Эксмо», 2005 — (Команда №9)

Команда полковника Иванова выполняла весьма специфические задания в Чечне. Теперь объекты и дислокация поменялись, а специфика осталась прежней, даже, пожалуй, стала еще опасней. Ведь охота на великого и ужасного зверя – коррупцию – в столичных джунглях покруче, чем операции в горных ущельях. Конкретная цель команды – олигарх Сенковский, надежно укрывшийся, как в цитадели, в своей империи. Штурмом такую крепость не возьмешь. Но неожиданно команде улыбнулась удача – есть, есть тайный ход в самую сердцевину цитадели. Даже не ход, а целый коридор, правда, с бездонными колодцами, тайными ловушками, ложными ответвлениями. Сгинуть можно запросто. Но выбирать не приходится – надо рисковать...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Лев Пучков

Обратный отсчет

*Некоторые события, описанные в книге, выдуманы.
Названия ряда населенных пунктов, учреждений и организаций
намеренно изменены.
Изменены также многие фамилии, встречающиеся в тексте.*

Пролог

– ...Статья шестая, пункт два: «...Каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации...»

– Это вы к чему?

– А вот еще: статья девятнадцатая, пункт один: «...Все равны перед законом и судом...»

– Я не понял... Вы зачем мне эту дрянь цитируете?

– Это не дрянь, дражайший Лев Карлович. Это наша с вами Конституция. Основной Закон...

– Да бросьте вы! «Наша с вами»... Это ваша конституция! Вы прекрасно знаете, что я сам себе и конституция, и основной закон.

– Не гражданин?

– Не понял?

– Вы не гражданин России?

– Не надо паясничать, Иванов! Коль скоро вы детально копались в моем грязном белье, вам ли не знать, что у меня тройное гражданство? Да, я гражданин России, а также, по совместительству, Великобритании и Испании. Я только не понял: какое это имеет отношение к предмету нашей беседы?

– Вы, Лев Карлович, за время нашей недолгой аудиенции в девятый раз произносите выражение «не понял». У вас проблемы с логикой или вы просто невнимательны?

Повисла зловещая пауза...

Лев Карлович Сенковский, добрый десяток лет бессменно «сидящий» в пятерке могущественнейших персон России и в первой десятке Европы, глава промышленной империи, умница и общепризнанный гений стратегического планирования, сегодня был не просто невнимателен, а прямо скажем, неадекватен.

И виной тому было вовсе не адское напряжение последних дней, посвященных изматывающей борьбе за право остаться на прежних позициях. К напряжению такого рода Лев Карлович был вполне адаптирован, приходилось в свое время еще и не так выкладываться. Любая победа в большом бизнесе, пусть даже и не очень значительная, даром не дается. Это обязательно какие-то определенные траты: денежные, душевные, физические и так далее, в зависимости от характера борьбы и силовых ресурсов оппонентов.

Лев Карлович к финалу был не готов. В этот раз борьба была не на живот, а на смерть... А победы не было.

Сенковский смотрел на своего собеседника – никому не известного заштатного клерка, ноль без палочки, досадливо морщил лоб и нервно барабанил пальцами по антикварной столешнице.

Это было ново и необычно. Лев Карлович уже и не помнил, когда с ним в последний раз разговаривали в подобном тоне. Президент, например, себе такого не позволял. А кто позво-

лял? Хм... Теперь уже даже и не вспомнить! Если что-то такое и было, то очень, очень давно. А может, вообще в другой жизни.

Но хамство клерка – это дело десятое, в глобальных масштабах такой мелочью можно было бы и пренебречь...

Однако этот ноль явился сюда с совершенно определенной целью: отнять у Льва Карловича, ни много ни мало, дело всей жизни.

Это было даже не странно, а дико. Ну просто полная дичь! Ни генеральный прокурор, с которым Сенковский был на короткой ноге, ни главы ФСБ, Счетной палаты, спикер Думы или там еще какой-либо приличный господин с портфелем...

Какой-то мелкий полковник контрразведки, полное ничтожество и вообще ходячее недоумение, которого Лев Карлович еще вчера мог растоптать в пыль, даже не заметив, что под подошвами английских туфель что-то там такое хрустнуло! А фамилия, естественно, – оперативный псевдоним, не более, и никакой он там не родственник тем самым двум большим Ивановым...

Все это было до того неправильно и нереально, что Льву Карловичу, скептику и рационалисту до мозга костей, казалось, что он спит после обильного застолья и видит этакий дрянной сон...

– Эмм...

– Сергей Петрович, – с готовностью подсказал Иванов.

– Ага. Сергей Петрович... У меня в штате службы безопасности одного лишь головного предприятия без малого семь сотен человек...

– То есть уж пару-то крепких рук, чтобы выкинуть меня отсюда, вы найдете, – понятиливо кивнул Иванов. – Ну что ж, если вы считаете, что это решит все ваши проблемы, – извольте. Как говорится, хозяин – барин.

– Да уж... Если бы все было так просто... – Лев Карлович перестал барабанить по столешнице, сумрачно вздохнул и ткнул пальцем в кожаную папку, лежавшую перед Ивановым. – Это оно?

– Угу, – Иванов расстегнул папку, вынул DVD-диск в пластиковом чехольчике, семь скрепленных степлером стандартных листов, заполненных с обеих сторон убогим печатным текстом, и протянул все это хозяину кабинета.

– Держите.

Лев Карлович мельком глянул на диск, пожал плечами, взял текст, пробежался цепким взглядом по строчкам...

– Ясно... Я так понял, что это ультиматум?

– Да ну, господь с вами, какой ультиматум! Это всего лишь предложение.

– То самое, от которого невозможно отказаться?

– Ну, это уж как вам будет угодно...

– Скажите, Иванов... Если это не ультиматум... Значит, мы можем с вами договориться?

– Ну естественно! За этим, собственно говоря, я и пришел.

– Тэк-с... – Лев Карлович приятно порозовел, оживленно потер ладони и свойски подмигнул Иванову: – Ну?

– «Ну» – в каком плане?

– В смысле – сколько?

– Вообще-то я по цифрам информацией не располагаю. Но...

– Хорошо, давайте я помогу. Скажем так: двести «лимонов». А?

– Двести «лимонов» чего?

– Ну, если баксы не нравятся – не проблема, дадим в евро. Это не так важно. Это не вопрос. Скажите, когда и куда – вам занесут.

– То есть... Погодите, погодите... Вы что, хотите дать мне двести миллионов долларов?!

– Ну, долларов, евро – без особой разницы... Может, вам нужно связаться с вашим председателем, обсудить?

– В этом нет необходимости.

– А, понял: сумма вас не устраивает. Хорошо, назовите свою.

– Хи-хи... Хи-хи-хек...

Иванов громко, с подвизгом, хохотнул. Что называется, на ровном месте смешок поймал: сидел, смотрел на собеседника со всей серьезностью, вдруг как прыснет...

– Не понял... – Лев Карлович начал медленно багроветь. – Вы...

– Да, теперь вы точно меня не поняли, – Иванов внезапно, как и начал, перестал веселиться. – Ситуация предполагает только два варианта развития событий, Лев Карлович. То есть вы либо соглашаетесь с предложением, либо отказываетесь. Насчет всего остального – в том числе и брать какие-то деньги от вас, я, извините, не уполномочен.

– А предложение?

– Да ну, не прикидывайтесь, Лев Карлович!

– Ага... Отдать, значит, вам РОСГАЗ...

– Да не нам, а государству.

– Со всеми активами, без всяких условий...

– Но заметьте: никто ведь не неволит! Вы все – сами. Хотите – откажитесь.

– А если нет?

– Ну что ж... Тогда степень вашей ответственности будет определена судом. В соответствии с действующим законодательством.

– Суд! Суд... Нет, я понимаю, кто за вами стоит. Понимаю, кем все это было инициировано, но... Вы хоть представляете себе, какой это уровень?

– Представляю. Уровень – небожители. Сам удивляюсь! Как это меня вообще со свиным рылом сюда пустили?

– Да ладно вам паясничать! Это мы управляем Россией, вы понимаете, мы! Не ваше вшивое правительство, не проплаченная нами до последнего депутата Дума... Вы мне назовите хоть одну фамилию из моей категории... Приведите пример, кого из нас, таких, как я, хотя бы единожды привлекали к судебной ответственности или, паче того, дали бы срок?

– Да это ничего. Вы будете первопроходцем. Пардон – первопроходцем. Извините, язык запутался...

– Ну и сколько?

– В смысле?

– В какой срок вы оценили мои прегрешения?

– А, это... Вообще-то я по цифрам информацией не располагаю – я вам сразу сказал, а вы почему-то насчет денег подумали... Это все будет решать суд. Но на мой взгляд, при участии лучших адвокатов с вашей стороны и колоссальных затрат по развалу дела... Минимум лет на пятнадцать. Минимум. А уж сколько нервов и здоровья уйдет – даже и думать не хочется. Вы гляньте: тут у нас статьи-то все – подрасстрельные. А концерн все равно заберут, как только вас упрячут в сизо, но уже в судебном порядке. Вы почитайте внимательно, для этого присутствуют все законные основания. Ну и, естественно, все это станет достоянием широкой общественности. Насколько я знаю, для вас это – самое главное. Так что решайте.

– Иванов...

– Да?

– Нет, я понимаю, что вы – пешка, исполнитель... Но мне интересно: почему я? Я ведь не один успешно хапнул в свое время добрый кусок и торгую теперь стратегическим ресурсом России...

– Ой, вот это уже не ко мне. Но так, если по совести, положи руку на сердце, согласитесь: с вами еще по-божески обходятся. У вас и без РОСГАЗА в активе сорок три промышленных

предприятия, дающих в год минимум три миллиарда долларов. Так что без штанов не останетесь.

– Вы хорошо умеете считать чужие деньги...

– Да не в этом дело. Вам за этот самый кусок прощают такое, за что других никогда бы не пощадили. Меня, например, за такие чудачества моментом прислонили бы к стенке.

– Ну, у нас мораторий...

– Да за такие вещи меня бы и до суда не довели! Шлепнули бы свои же, на первом этапе служебного расследования.

– Хорошо, закончим дискуссию. Мне надо хорошенько все обдумать, взвесить, проконсультироваться... Сколько у меня есть времени?

– Так, сейчас... – Иванов глянул на часы. – Одиннадцать пятьдесят пять... Ага, у вас четыре с половиной минуты.

– Не понял... Это что, шутка такая?

– Нет, это не шутка. И не моя личная прихоть. Просто ровно в двенадцать я буду докладывать о результатах переговоров. Итак, Лев Карлович, у вас четыре минуты на принятие решения. Думайте...

Глава 1

Дела семейные

Все начиналось так невинно и приятно...

– Ннн-да... Это был какой-то изврат.

– В смысле?! – Эдик даже подпрыгнул от удивления. – Что именно – «изврат»? По-моему, все пока идет нормально...

– Да нет, я это насчет погоды. Зима в этом году была отвратительная. Не зима, а не пойми что. А весна – смотри...

– Фу ты, господи! А я уж подумал, что опять сделал что-то не так.

– Да нет, Эдик, ты молодец. Не напрягайся, веди себя естественно.

– Хорошо. А зима – да. На моей памяти в первый раз такое...

Да, Эдик не просто так хозяину поддакнул: зима в этом году и в самом деле была совершенно непонятная. Под Новый год подмосковные жители боролись с распутицей, москвичи, наподобие страусов, прыгали через лужи, а в январе шли дожди. И так весь сезон, с редкими порциями респектабельного мороза.

Зато март удивил. Снегу навалило даже не по колено, а по... эмм... по пояс, пожалуй. И погода установилась сугубо горнолыжная, почти как в Швейцарии, где Лев Карлович привык системно отдыхать в последние десять лет.

В общем, все поменялось местами. Если выражаться языком, привычным для сферы существования Льва Карловича, весна приняла на себя долговые обязательства декабря – января и теперь задним числом поправляла в буквальном смысле подмоченную репутацию русской зимы. Деньки стояли – чудо! Хоть все бросай и уходи в отпуск...

В Болене Лев Карлович был в первый раз. Сначала подумал «наверное, и в последний», а потом засомневался. Это ведь нам, простым смертным, кажется, что в Болене оттягивается некая островерхая крутизна, а для Льва Карловича и ему подобных этот спортивный парк был просто не по рангу. Не тот уровень. Это то же самое, как если бы генералу вздумалось вдруг прогуляться на заседание военной коллегии в лейтенантском кителе.

А оказалось, что тут вполне даже сносно. Природа и ландшафт если где-то и уступают элитным швейцарским местечкам для избранных, то совсем ненамного. Вокруг тебя не вьется взвод вышколенной прислуги, но в принципе сервис тоже на уровне. А по деньгам вообще получается все замечательно. Лев Карлович быстренько прикинул в уме (это такая личная особенность: с детства привык считать без калькулятора, практически мгновенно может произвести любое арифметическое действие и таким образом порой изумляет некоторых впечатлительных господ, что знакомы с ним недавно): даже с учетом того, что сняли, не мелочась, целый склон, дешевле выходит как минимум на порядок! Одно лишь отсутствие необходимости гонять персональный самолет уже многого стоит. На общих Лев Карлович уже лет десять не летал – не по рангу, так что судите сами.

В общем, все было здорово. А погода вообще чудо! Одно небо стоило целого состояния.

– Небо... – сказал Лев Карлович, задравши голову кверху и жмурясь, как мартовский кот. – А?

Когда творческие товарищи хотят живописать погоду, они начинают, как правило, с неба. При этом используются непростые эпитеты и вычурные сравнения: бездонно-голубое, васильково-синее, багрово-красное (это если намекают, что вот-вот случится какая-нибудь злоежащая дрянь), хлопковые барашки, белоснежные завитки, тяжелые свинцовые хлопья (это, стало быть, облака, а в последнем случае – опять дрянь будет). Причем даже у признанных мастеров

реалистичной прозы порой встречаются трехстраничные описания, едва ли не в поэтической форме воспевающие тривиальную метеорологическую обстановку как фон настроения героя. Такая вот общая закономерность...

– Да, – подтвердил Эдик, распустив свирепую физиономию в благостной улыбке. – Небо – да...

– Это все ерунда, что на природе небо ближе, – Лев Карлович мечтательно прищурился вдаль. – Оно везде одинаковое. Просто в городе мы на него не смотрим. Эдик, ты когда в последний раз видел на... ну, хотя бы, к примеру, на Кутузовском, – когда видел человека, сосредоточенно глядевшего в небо?

– Эмр... Уомм... Гхм... – Эдик заметно напрягся и принялся чесать гладко бритый затылок.

– Эдик, выражайся членораздельно! Конкретизирую: когда ты в последний раз видел на Кутузовском человека, застывшего столбом, приложившего ладонь козырьком ко лбу и глядящего в небо?

Эдик в замешательстве пожал плечами. Что-то ничего подобного не припоминается... Столбом, козырьком, в небо? Нет, такой господин на Кутузовском сразу бы бросался в глаза. Наверняка бы запомнился. Другой вопрос, что выглядел бы такой господин как последний идиот...

– Можешь не напрягаться, Эдик. Мы, горожане, не смотрим на небо. Нам некогда. Мы всегда спешим.

– Да уж, это точно... – привычно поддакнул Эдик, но в тоне слегка обозначился вопросец: «А какое, вообще, это имеет отношение к делу? Или просто так – маразм?»

– Да просто так, вне всякой связи, – пробормотал вдруг Лев Карлович, по-прежнему глядя вдаль.

Эдик от изумления икнул, отвесил челюсть и уставился на хозяина с суеверным ужасом. Нет, понятно, что гений, но... Неужели и в самом деле, как шепчутся сотрудники, – мысли читает?

Лев Карлович, отметив реакцию подчиненного, рассеянно хмыкнул:

– Летаем черт-те куда, тратим деньги... А тут, под самым боком, сорок километров всего... А здорово-то как! Ты смотри, прямо парадиз какой-то. Так хорошо, что даже нервничать не хочется...

– А вам и не надо! – справившись с челюстью, горячо заверил Эдик. – Вы отдыхайте, я сам. Вам только на последнем этапе подключиться на минутку, папой поработать.

– Папой?

– Ну да.

– Хм... В смысле – римским?!

– Нет, его папой, – Эдик едва заметно двинул подбородком в сторону инструктора, мирно скучающего на раскладном стульчике в тридцати метрах ниже по склону.

– Но почему «папой», Эдик?

– А потому что вы его заново родите. Ну, в смысле, де-факто выйдет именно так...

– Хм... Интересное сравнение... Хотя довольно неожиданное...

– Есть предложение, – польщенный Эдик тут же расправил плечи и глянул орлом.

– Слушаю.

– Ногу прострелить.

– Чего-чего?

– Можно в принципе руку, – заторопился Эдик, не встретив ожидаемого энтузиазма. – Просто ногу лучше. Проверено. Рука – да, больно, все такое, но... Когда на двух ногах – уверенно чувствует себя, крепко стоит на земле. А если на одной, значит...

– !!!???

– Ну, это... чтобы, значит, доходчивее было, – окончательно смутившись, промямлил Эдик. – Чтоб, сволочь, сразу проникся, в какое дерьмо угодил...

– Что за вздор, Эдик?!

– Да нет, это я просто так...

– Еще раз услышу подобную гадость – накажу! На вид вроде такой взрослый...

– Просто досадно, – Эдик метнул исподлобья неприязненный взгляд на ничего не подозревающего инструктора. – Такой человек, как вы... Ну, в общем, обидно, что вы тратите на это чмо свое драгоценное время...

* * *

Инструктор этим мерзавцам был нужен, как динозавру конвекционная печь. Видимо, они были не в курсе, что в природе существуют лыжи, и потому просто раскатывали по склону на своих навороченных внедорожниках. Вернее не просто, а с форсажем и прочими гоночными вывертами. Красовались друг перед другом, чья машина лучше, переборонили всю пятку склона.

Валера оперативно связался с администрацией, доложил о безобразиях. Ответ был такой: ну и пусть себе! Им можно. Этим все можно. Все оплачено. Эти, при желании, весь парк выкупят, не моргнув глазом. И смотри там, повежливее...

Валера сразу понял, что клиенты – из разряда вон, и довольно быстро догадался, зачем, вообще, пожаловали. В Болене всякие люди бывают, с положением и солидными связями, но раскатывать по склонам на внедорожниках до сих пор не позволялось никому. А этим можно. Делайте вывод.

Прибыли целой кавалькадой в семь машин. Остальные, слава богу, остались на парковке. Сдали телефоны своей охране; шустрый мальчуган с чемоданчиком – человек вон того страховидного лысого – проверил обе машины детектором. Затем просканировал Валеру, разобрал до винтика его транк (внутренняя связь между персоналом парка) и доложил лысому: чисто.

Валера в таких вещах кое-что понимает, на вольных хлебах меньше года, а до этого долго работал опером в убойном отделе.

Ребята приехали пообщаться. Как говорится, чисто просто конфиденциально. Место во всех отношениях удобное. Вероятность «съема» разговора с ближних подступов исключена – все просматривается насквозь, вероятность предварительной «закладки» практически равна нулю. В таких случаях все делает внезапно, методом спонтанного выбора, поди-ка «заряди» весь парк!

Ребятам на внедорожниках можно было глубоко посочувствовать. Жизнь у них суровая, окружающий мир отнюдь не переполнен розовым дружелюбием. Это же надо, чтобы посплетничать с приятелем (партнером?) приходится принимать меры, едва ли не сопоставимые с организацией системы безопасности на встречах глав государств! Вот бедолаги-то...

– Интересное у вас начало рабочей недели, интересное... Ездуны, тудыт вас в оффшор! – с глубокой неприязнью пробормотал Валера, делая вид, что смотрит вдаль, и косясь в сторону клиентов. – Чтоб у вас там, в офисах, Солоник завелся! А лучше парочка. Чтоб, значит, каждому, индивидуально...

Как видите, сочувствовать большим людям Валера не собирался. Кому сочувствовать? Вот этим хозяевам жизни, которые могут позволить себе все, что захотят, без всяких запретов и ограничений?!

– Да уж... Такие – точно, шлепнут и не поморщатся... – прошептал Валера, аккуратно фиксируя взгляд на физиономии лысого. – Наверно, еще и губами причмокнул от удовольствия...

Вообще говоря, разбойная внешность лысого сама по себе не являлась поводом для последнего замечания. Это он так, под руку подвернулся. А повод автоматически вытекал из всего горького опыта общения Валеры с такими типами в бытность его на службе государственной. Валера, человек грамотный и житейски опытный, прекрасно знал, что ожидать чего-либо хорошего от подобных типов невозможно в принципе. Особенно впечатляюще в этом плане выглядел последний пример из личной практики.

Вкратце суть была вот в чем...

– Эй, мужчина!

Одну секунду: про суть как-нибудь потом, Валера зачем-то понадобился вот этому неприятному лысому.

– Я?

– А тут, кроме нас, еще кто-то есть?!

– Я вас слушаю.

– Да ты не слушай, ты сюда иди! Иди, дело есть...

* * *

Вообще-то Лев Карлович ранее себе такого никогда не позволял. Не в том плане, чтобы систематически склоны портить – он на такую безделицу даже и внимания не обратил, – а насчет праздного времяпровождения в начале рабочей недели. Если скажете кому из близкого окружения Сенковского, что он в понедельник, до полудня, развлекается подобным образом, вам как минимум не поверят, а в норме поступят с вами бесчестно – оскорбят словесно и, возможно, физически.

Подавляющее большинство особей нашего вида никогда не задумывается, в каких оно (большинство) отношениях со временем, и воспринимает его (время) как данность. То есть оно присутствует, обозначено определенными числами, и все, чего тут думать? Пусть себе философы и ученые извилинами шевелят, это уже их прерогатива.

Между тем, если хотя бы поверхностно вникнуть в этот вопрос, все человечество по отношению ко времени можно разделить на две основные, но неравноправные категории: рабы и господа. Вы только послушайте, как приятно звучит: его Высочество Господин Своего Личного Времени! Здорово, правда?

«...– Мне бы к вам на прием попасть, дражайший Нестор Петрович... Как у вас со временем?»

– У меня – со временем? Странный вопрос, дружище! Как скажу, так и будет. Сколько вам нужно? Сутки, трое, неделю, месяц?...»

Думаю, вы согласитесь, что такой вариант ответа для делового человека, к которому вам надо попасть на прием, – большая редкость или даже вообще не вариант. Чаще приходится слышать совершенно обратное. Примерно вот так, в порядке убывания благосклонности к просителю:

– Я постараюсь выкроить для вас пару минут в течение ближайших двух недель...

– Мне бы очень хотелось вас принять, но... У меня очень плотный график, так что даже и не знаю...

– Я совершенно не располагаю временем, извините...

– Да не до сук мне!!!

Ай, пардон – там, конечно же, «г» на конце и слово пишется вместе... но суть, сами понимаете, от этого не меняется. У человека нет для вас времени, и больше не стоит его беспокоить, а то скажет вообще какую-нибудь гадость.

Лев Карлович, сколько себя помнил, никогда не входил в когорту счастливиц, которые могут своевольничать со своим временем как им в голову взбредет. Вначале все было от

звонка до звонка, бегом, а местами и вприпрыжку, с бутербродами на ходу, наспех: не дай бог опоздать, вовремя не уложиться и выбиться из жесткого графика! С течением времени «бегом» и «вприпрыжку» стало неактуально, да и бутерброды куда-то подевались. Знаете, есть такая штатная единица, как персональный повар, а к нему в комплекте с десятком всяких поварят и помощников.

График, однако, от этого мягче не стал. Более того, раньше, даже при ужасной занятости и загруженности, оставались какие-то резервы и «окна». Сейчас ничего этого не было и в помине.

В настоящий момент в империи Сенковского исправно функционировала целая регламентная служба, которая с научным подходом занималась планированием рабочего времени хозяина и устранением любых обстоятельств, способных негативно повлиять на составленный накануне график.

Лев Карлович, по сути своей, закоренелый трудоголик, чистое время его рабочего дня составляет четырнадцать часов в сутки. Вместе с тем в отдыхе он себе не отказывает, опять же, в соответствии с научным подходом: чтобы полноценно трудиться, нужно правильно и умело отдыхать. В конце недели, ровно тридцать шесть часов (половина субботы и воскресенье). И, разумеется, отдыхать не просто так, а руководствуясь разработанным специалистами регламентом: свежий воздух, тщательно дозированная физическая нагрузка, масса положительных эмоций, минимум алкоголя. А поскольку время дороже денег, сгонять на персональном самолете в Швейцарию посреди российского лета только лишь ради трехчасового горнолыжного сета – это норма.

В общем, далее можно не распространяться, и так понятно, что жизнь властелина промышленной империи расписана по секундам. По большому счету, Лев Карлович даже не раб своего времени (раб – это когда бегом, вприпрыжку и с бутербродами на ходу), а заложник системы, которую сам же и создал. Скрупулезный хронометраж на протяжении всей жизни – не просто составляющая производственной необходимости, а натуральный условный рефлекс.

В связи со всем вышесказанным уместно будет задать вопрос: какие катаклизмы вселенского масштаба заставили этого страшно занятого человека в понедельник бросить все неотложные дела и рвануть прямо с утра на природу?!

Если кто подумал, что причиной тому миллиардная сделка или перспектива полного развала компании, – не угадали.

Сейчас скажу, смеяться будете. Или просто не поверите. Как бы это сформулировать покорректнее? Лев Карлович, кстати, – человек жутко грамотный и мастер точных определений, сам для себя вот так с ходу не мог решить, как ему назвать вот *это*...

– Сердечный друг? Неадекватно. Это значит кардиохирург или как минимум – невропатолог. Дружить-то он будет не с сердцем, а с несколько иным местом... Любовник? Ну... Это слишком емкое понятие для такого типажа, если не сказать – слишком высокое... Е...? Грубо. Очень грубо. Речь ведь идет о супруге, самом близком в мире человеке, а не о какой-то там абстрактной даме... А! Наверное, хахаль. Вульгарный анахронизм, однако в данной ситуации весьма точно...

Короче говоря, Лев Карлович приехал в Болен, чтобы поближе познакомиться с хахалем своей любимой супруги. Вернее сказать, с будущим хахалем. Тут у нас маленький нюанс. Хе-хе... Дело в том, что товарищ, которому уготована такая заманчивая перспектива, о ней (о перспективе) пока что даже и не догадывается...

* * *

Вот этого Валера на дух не переносил. Работа не пыльная, платят нормально, опять же, случаются вполне игривые девчата (от восемнадцати до пятидесяти), дающие конкретные перспективы на предмет непродолжительной тесной дружбы.

Однако, бывает, попадаются такие господа, что обращаются с персоналом, как со своими личными лакеями. Инструкторам проще, они, как правило, всегда при деле, а вот остальным нередко достается. Что поделаешь, издержки производства.

– Я не понял... Ты глухой или уши отсидел?

– Иду, иду...

Валера встал, сложил стул и неторопливо направился вверх по склону, стараясь не смотреть лысому в глаза. Тридцать метров, есть время обдумать варианты поведения. Клиенты попадают всякие, опыт общения присутствует, вариантов совсем немного.

А взглядами лучше не встречаться. За год Валера так и не научился изображать милую приязнь к клиентам. Особенно вот к таким типам. Типы эти неглупые, читать взгляды умеют. А что можно прочесть во взгляде бывшего опера, пусть даже и имеющего на настоящий момент зарплату в пятьсот у. е.? В лучшем случае: «Уж я-то знаю, где и как вы добыли эти деньги! Ох и не люблю я вас, буржуины проклятые...» Ну а для таких, как этот лысый, ментальный посыл, исходящий от Валеры, совершенно очевиден и однозначен: «На пол, б...!!! Руки за голову, с...!!! Шаг в сторону – огонь на поражение!!!»

Так что в глаза – не надо. Лучше поиграть в привычную уже шараду: попробовать предугадать, какая блажь взбрела в голову клиенту.

Обычно посылают за напитками и закусками. Мотивация простая: твои услуги оплачены, но не востребованы. А выглядишь ты, нуль без палочки, как-то странно и даже неприлично гордо и независимо (это контекст вслух не произносится, но явственно читается в выражении глаз и интонации). Так что давай, не торчи тут без дела, сгоняй за пивом и фисташками.

Решается такая проблема одним движением. Точнее, двумя. Достать из кармана рацию и нажать кнопку. И сообщить «вниз» о пожелании клиента. В течение десяти-пятнадцати минут курьер снизу доставит все, что требуется.

Однако бывают нюансы. Попадают господа, которых такое незамысловатое решение вопроса мгновенно приводит в дурное расположение духа. Это что же такое получается? Вместо того чтобы браво гаркнуть «да, сэр!» и сломя голову умчаться выполнять приказ, оно (персонал – суть мебель, фигура неодушевленная) с таким деловым видом куда-то там сообщает, а потом стоит себе, даже шагу не делает, да еще и смотрит независимо! А ну, е... ты (варианты), бегом! Какой, е, курьер? Засунь этого курьера себе куда хочешь – бегом, я сказал!!! Тебе что, работа надоела?!

Вот так. Не сказать, чтобы прямо каждый день, однако случается.

Удивительно даже. Не то удивительно, что среди господ попадают конченые хамы. Это как раз норма, исходя из того факта, что у большинства нынешних «господ» генеалогическое древо рядом с дубом-богатырем и не валялось, а более всего похоже на тундровый кустарник.

Удивительно, что вроде бы неглупые люди (тупице, по определению, трудно добыть, преумножить и сохранить такие деньги) не могут с ходу сообразить, что курьер «снизу» доставит заказ в два раза быстрее, чем гонец «сверху». Хотя бы уже лишь потому, что гонцу для начала придется спуститься вниз...

– Машину водишь?

– Вожу.

– Тачка есть?

– Ну, есть, – сбитый с толку Валера озадаченно пожал плечами. – А зачем, собственно...

– А не надо «ну», – напористо поправил лысый. – Она или есть, или нет, по-другому не бывает. Что за тачка? Марка, возраст?

– «Ауди-80», девять лет...

Клиенты переглянулись и синхронно покачали головами. Можно сказать, с сожалением и укоризной покачали. Это же как надо себя не уважать, чтоб на таком вот ездить!

А Валере вдруг стало неловко перед лысым и даже стыдно. Вот так новости! Никогда в жизни такого не было, только затаенная злость да негодование (буржуины проклятые, наворовали, теперь жируют!). А тут вдруг – на тебе...

Лысый примерно его возраста. Такой же рост и комплекция, крепкий, спортивного типа. А личиком вообще не удался. Личико, я вам скажу... Видимо, все пугаются и потому легко отдают деньги.

Валера рядом с ним – просто красавчик... И чего ж ты, красавчик, такой тупой, что не смог на нормальную тачку заработать? А если бы лысый еще знал, что не только на тачку, но и на хату красавчик заработать не сумел! Так и живет с мамой в родительской хрущевке...

– Ну, это ничего, – с неожиданной мягкостью сказал красавчик (прозвучало так: какие твои годы, у тебя еще все впереди!). – Главное – в «немцах» ты шарить. Верно?

В таких «немцах» Валера «шарил» примерно, как скотник Игнат из Нижнего Удодова в декоративной татуировке полинезийских племен. Но, так как был растерян и сконфужен, на вопрос лысого с готовностью кивнул и слово сказал:

– Ну, есть немного...

– Ну и здорово, – в тон поддержал лысый. – Ты нас раньше не видел? Знаешь, кто такие?

– Не видел, не знаю. А что?

– Ну и вообще здорово. Значит, будешь объективен. Ну-ка, давай, навскидку: какая тачка лучше?

Лысый повернулся к внедорожникам и простер руку в жесте конференса, вызывающего на сцену звезду эстрады.

– Даже и не знаю... Навскидку – сложно. Надо же знать, что там под капотом, конфигурацию...

– Да нет, ты просто скажи свое мнение! Вот смотри: две тачки. Вот они. Мы катались, ты видел, как ездят. Что чувствуешь, как они тебе?

Валера добросовестно наморщил лоб, пытаясь быть объективным. Вам я скажу, что лысый приехал на «BMW X5 4.6is», а его приятель на «Mercedes-Benz ML55 AMG». Познавания Валеры так глубоко не простирались, единственное, что он сумел различить, это марки: соответственно «бэха» и «мерс». «Мерс», понятное дело, на непросвещенный обывательский взгляд, солиднее и дороже.

– «Мерседес» лучше, – вынес наконец свой вердикт Валера.

Лицо лысого от огорчения стало похожим на мяч для регби. Его спутник победоносно ухмыльнулся и потер ладони.

– Ну, по крайней мере, выглядит он солиднее, – Валера решил слегка подкорректировать вердикт. – А что там по характеристикам, понятия не имею: когда вы катались, я особой разницы не заметил.

– Посмотри в последний раз на свой «патэк», – спутник лысого впервые за все время подал голос. – Я тебе говорил – не спорь со старшими.

– Одну минуточку! – лысый послушно снял с руки часы, но отдавать их своему приятелю не торопился. – Одну минуточку... Спорить не буду, но мне кажется, мнение прозвучало совершенно неоднозначно.

– То есть?

– Он сказал «„Мерседес“ лучше», – лысый говорил о Валере так, словно он отсутствовал (или присутствовал, но был каким-то вычислительным механизмом). – Человек купился на брэнд. Как же – «Мерседес»! Типа, Эверест автомобилестроения. А насчет характеристик?

– И что насчет характеристик?

– «Особой разницы не заметил!» – процитировал лысый Валеру. – Ну а теперь представьте, что он не знал бы марку машины?

– Короче, так и скажи: часы зажал, – спутник лысого простецки хмыкнул.

– При чем здесь «зажал»?! – обиделся лысый. – Дело разве в часах? Да хоть десять заберите, суть-то от этого не изменится!

– Ну а в чем тогда дело?

– В чистоте пари. Мы как условились: чья машина человеку больше понравится, тот и выиграл.

– Абсолютно верно! Ну и вот: человеку понравилась моя машина.

– Человек купился на марку, – настырно повторил лысый. – Он на вашей машине ни разу в жизни не ездил. Как и на моей. Верно?

– Верно, – кивнул Валера и тихонько вздохнул: – Как-то все недосуг...

– Ну и какие проблемы? – спутник лысого беззаботно пожал плечами. – Пусть прокатится с ветерком до парковки и обратно. С виражами и заносами.

– Вот это другое дело, – с ходу согласился лысый. – Пусть прокатится, тогда и спросим. Чья первая?

– Твоя, естественно!

– Почему? Давайте бросим жребий. Последняя машина оставит свежие впечатления, поэтому первая в любом случае будет в проигрыше.

– Никаких жребиев. Ты, по сути, проиграл пари. Я иду на уступки, никаких дополнительных условий мы не обговаривали, так что – никаких жребиев.

– Ладно, не буду спорить, – лысый подошел к своей машине, раскрыл дверь и, кивнув Валере, с любовью похлопал по сиденью. – Иди сюда, объясню, что почему...

С управлением Валера разобрался моментально: все просто и со вкусом, как это обычно бывает у педантичных германских товарищей. Тут же походя решили вопрос этического характера.

– Это вам все можно. А если меня увидят рассекающего на такой тачке по склону – уволят мгновенно.

– Ну-ка дай сюда...

Лысый взял рацию, коротко переговорил с администратором и тотчас же получил «добро» (а никто и не сомневался!).

– Можешь теперь кататься где хочешь. Хоть по стойке экстрим-бара на двух колесах.

– А при чем тут экстрим-бар?

– Да так, заодно за пивом заедешь, – лысый протянул стодолларовую купюру. – Возьмешь по паре, нам и себе.

– Я не буду – на работе, – Валера машинально принял купюру и сунул в карман.

– Ну, смотри, наше дело – предложить. Значит, нам по паре. Четыре бутылки, короче. Сдачи не надо.

– Хорошо...

Валера запустил двигатель, пробно крутанул трехспицевый спортивный руль и только сейчас до него дошло: все-таки послали за пивом! Ха-ха три раза. Но как-то легко и непринужденно, между делом. Даже в позу встать забыл, так машиной занят был. А теперь полемизировать – язык не повернется. Кроме того, «сдачи не надо», это тоже немаловажно. Самое дорогое пиво в баре стоит сто пятьдесят рублей. Сдача с сотни – это три Валериных рабочих дня. Что ж, у богатых свои причуды.

– Ничего говорить не буду, – напутствовал лысый, покосившись в сторону своего спутника. – Просто запомни свои ощущения, когда будешь кататься.

– Хорошо, – кивнул Валера. – Какое пиво хотите?

– «AMSTEL», – сказал лысый. – В последнее время другое не пьем.

– Ладно...

* * *

Впечатления были двойственные. Машина – зверь. Просто чудо какое-то, венец фашистской технологической мысли.

Машина вела себя как живой организм. Мягко жмешь на длинноходную педаль газа – разгоняется плавно и мощно, довольно урча при этом. Резко топнешь – приседает на задние лапы... пардон – колеса, конечно же! – яростно рычит и бешеным прыжком устремляется вперед, мгновенно набирая максимальную скорость.

Валера даже представить себе не мог, что от обыкновенного управления автомобилем можно получать такие ощущения. Что за ощущения? Да так... короче, сплошная эротика.

– Полжизни за такую красавицу отдал бы...

А еще было грустно. Грустно до щемящей боли под ложечкой. Валера прекрасно понимал, что ему никогда в жизни на такую тачку не заработать. Хоть наизнанку вывернись. Разве что убийцем заделаться и заказы принимать...

«AMSTEL» в «Бугель-Вугеле» (это быстро так называется) отсутствовал как класс. То есть не просто кончился или забыли подвезти, а...

– Не возим такое, – сообщил бармен Володя, рассматривая через окно машину, на которой приехал Валера. Вопросов не задавал – Валеру знает, понятное дело, тачка клиентов.

– Может, в «Васаби» или «Траттории» спросить (это, соответственно, суши-бар и ресторан, здесь, неподалеку)...

– Да не утруждай себя, там тем более нет, – компетентно заверил Володя. – Сроду такого не завозили. Вон, возьми «Heineken», тоже неплохое. Они его сейчас все пьют.

Валера огорчился и принялся сосредоточенно морщить лоб. Он парень обязательный, привык все делать от и до. Если люди просили одно, а им привезут другое, получится нехорошо. Несolidно как-то.

– А хочешь, сгоняй в «Дюка», – понятиливо вник в проблему Володя. – Ребята продвинутые, у них наверняка есть...

«Дюк» – мелкооптовый магазин эксклюзивных продуктов, в трех километрах от Болена по направлению к Москве, на Дмитровском шоссе. На Дмитровке в последнее время много небедного люда строят себе коттеджи, желающих покушать вкусно и дорого хоть отбавляй.

– На такой тачке домчишь за минуту, – Володя кивнул за окно. – Класс. Мне б такую птичку...

– У тебя по зоологии, видимо, была двойка, – Валера усмехнулся и направился к выходу. – «Птичка»... Это же тигр, неужели не видно?!

Правильно сказал Володя. Почему бы и нет? Три кило для такой красавицы – ничто. Разок присесть да прыгнуть как следует.

На выезде Валеру остановила бдительная охрана лысого и его спутника, скупавшая на парковке.

– За пивом, – объяснил Валера.

Ребята на несколько секунд впали в ступор. Телефоны боссы сдали, рацию инструктор с собой увез. Как связаться да взять подтверждение?

– Ага, я их обоих замочил и угнал тачку, – язвительно пробурчал Валера.

– Ладно, езжай, – выпал из ступора один увесистый товарищ (видимо, вождь секьюрити – соображает быстрее всех). – Только ты это...

– Что?

– Ты так больше никогда не говори. Это плохая шутка.

– Хорошо, не буду...

По трассе «тигр» мчался как пуля. Долетел за минуту, только разогнался, глядишь, уже тормозить надо.

В «Дюке» Валера был от силы секунд сорок. Сервис тут на уровне, привыкли к взыскательному клиенту, обслуживают мгновенно и качественно.

– Мне бы «AMSTEL» ...

– Сколько?

– А есть?

– Странный вопрос! Сколько?

– Четыре бутылки.

– Шутите?!

– А что, собственно...

– Мы упаковками продаем.

– Тогда одну упаковку.

– Еще будете брать что-нибудь?

– Нет.

– Хорошо. Платите в кассу, идите в машину – сейчас вынесут. Спасибо за покупку.

– Да чего там – «вынесут», давайте я сам.

– Здесь у нас нет, в подвале. Это буквально полминуты, вы двигатель не успеете завести...

Валера резво сбежал с крыльца, сделал шаг к расположенной в пяти метрах от входа стоянке и замер, как бронзовый памятник жертвам фашистской оккупации.

Стоянка была пуста.

Асфальтовый пятак, заботливо очищенный от снега, глумливо пялился на Валеру, подмигивая, как подбитым глазом, здоровенным масляным пятном на самом выезде.

– Нет-нет... Нет, так не должно быть... – У Валеры перехватило дыхание и мгновенно вспотела спина. Сердце, подскочив на месте, захотело куда-то рвануть, но вместо этого с грохотом рухнуло в желудок. – Это... Это что же такое, а...

Валера крепко зажмурился, потом опять раскрыл глаза и ущипнул себя за ляжку...

Увы, лучше от этого не стало. Короткая асфальтовая аллея, что вела от магазина к трассе, была пуста. И на самой трассе в это мгновение, насколько хватало глаз – что вправо, что влево, до самого горизонта, было совершенно пусто. Ни единой транспортной единицы.

Валера охнул и медленно присел на корточки.

Откуда-то сзади вынырнул парень в фирменном фартуке, с упаковкой пива.

– Ну и где ваша машина?

– Я не зна... – Валера не узнал своего голоса – в горле вдруг запершило, получился какой-то задушенный петушинный всхлип. – Гхм-кхм... Это... Кхе-кхе... Это не моя машина...

* * *

Проигравшим Лев Карлович сочувствовал крайне редко – такие случаи можно сосчитать по пальцам одной руки. Между тем этих проигравших в жизни олигарха было столько, что для их учета следовало бы завести специальную службу. Причем большинство проигрывали не просто так, по мелочи, а все сразу и с тяжелыми последствиями.

Последний случай: коммерческий директор одного из бесчисленных предприятий, грамотно «поглощенных» империей Сенковского, застрелился в своем кабинете...

– Тряпка, – бросил Лев Карлович, узнав о случившемся. – Сорок лет всего, талант, связи – можно было еще три раза по столько заработать. Даже не поборолся! Сразу – стреляться. Ну, раз такая размазня, туда ему и дорога...

Из вышесказанного вовсе не следует, что Лев Карлович является конченным негодяем или маньяком-людофобом. Просто он прагматик, в меру циник и считает, что во всем нужно

следовать законам природы. А законы природы таковы: в мире есть слабые и сильные, и все мы неравны изначально. Сильные едят слабых и тем живут, слабые, по мере возможности, сбиваются в кучу и стараются как можно дольше не быть съеденными. В природе нет места сочувствию в чистом виде. Если волк будет сочувствовать овце, которую собирается задрать, он просто сдохнет с голоду. Все просто и не нужно лишних сантиментов.

А к *этой* – проникся. Хотя, конечно, парадокс: его бы, гада, ненавидеть надо, желать ему смерти всеми фибрами души...

Не за слабость проникся, за искренность. Так искренне переживает, мерзавец, так страдает об утрате чужой машины – вплоть до того, что готов, пожалуй, собственноручно зарезаться. Настолько считает себя виноватым, что даже слова не сказал в свое оправдание, тем паче не осмелился что-то возразить Эдику.

Эдик – красавчик. В роль вошел просто и естественно, работает элегантно, в человеке явно пропадает талантливый артист. Все как на репетиции, поэтапно.

Этап первый: здоровый скепсис на фоне благодушного веселья.

– Ну, шутники, мать вашу! Хе-хе-хык... А ты молодец: «...я вас не видел, не знаю...»! Но вообще немного коряво получилось. Скажи Гарику, что шутка не совсем удалась. Потому что...

– Да я вам говорю – это не шутка!!! Вы что, не понимаете?!

– Не, я понимаю... Каждый шутит как умеет. В меру своих способностей, – Эдик согнул палец крючком и отстучал по лысой голове какой-то короткий, но затейливый код. – Но думать-то маленько надо! Ладно, у кого другого... Но – у меня?!!!

– У вас украли машину. – Инструктор прерывисто вздохнул и с обреченным видом уточнил: – Вернее, у меня украли. Вашу машину. Какие тут могут быть шутки?!

– Шутка не удалась по одной причине. У таких, как я, – не воруют. Понимаешь, малыш? По определению. Ты – ладно, может, и не в курсе. Но Гарик-то очень даже в курсе! Это же... Ммм... Это то же самое, что у президента утащить ядерный чемоданчик!

– И тем не менее я вам говорю еще раз: вашу машину угнали! И я не знаю никакого Гарика!

– Слушай, ты мне начинаешь надоедать...

– Ну почему? Почему вы мне не верите?!!! Я же вам говорю...

Этап второй – быстро, мимолетно: недоумение на фоне формирующегося раздражения.

– Але, Гарик? Да еще бы ты не узнал... Слушай, это не ты? Не, я понял, что это ты! Я в каком плане: если это твои хлопцы тиснули мою тачку, самое время покаяться... Не понял? Что значит – «ни сном ни духом»? Погоди, погоди... Эта твоя дурацкая шутка мне уже не нравится. Так что, дорогой, быстро делай выводы, а то у меня начинает портиться настроение...

Этап третий: вспышка гнева, переходящая в холодную ярость, и, как следствие, готовность к противоправной деятельности.

– Нет, Гарик, ты мне даже и не говори об этом... Это твой район, ты здесь за все отвечаешь! Кто?! Кто посмел без твоего ведома, в твоём районе... Что?!!! Какие-такие «отморозки», че ты гонишь?... Чего? Да мне по барабану, что там в центре Москвы, да у знаменитостей! Да хоть в Кремле, у президента, это не мои дела... Не, а при чем здесь «мерс» Жванецкого?! Ты думай, что говоришь! Где я, а где Жванецкий! Ты че, совсем нюх потерял?! Да я вас всех...

Гарик – это, видимо, какой-то большой человек – хотя бы уже потому, что он отвечает за целый район. Что, по сравнению с Гариком, какой-то там безвестный инструктор, по сути, ноль без палочки? Это просто какое-то ходячее недоразумение, с которым можно поступить как угодно.

И потому сразу, практически без паузы – этап четвертый. Собственно противоправные действия.

Декорация и мизансцена: парковка, машины, секьюрити полукругом, из-за чьей-то широкой спины выглядит бледное от страха и напряжения лицо администратора, инструктор уже в наручниках, рядом с раскрытым багажником. Состояние уже подсчитано – так, мимоходом, на глазок (да просто считать нечего!), несостоятельность вполне очевидна:

– Тачка стоит сто двадцать. Плюс индивидуальная доводка, тюнинг, аппаратура – еще как минимум восемь. У тебя: мамина хрущевка в Дмитрове – максимум полтинник, плюс твоя дрянная лайба, верх – трешка. Не, мне без разницы, где вы жить будете... Но это ведь даже половины стоимости моей красавицы не будет! Ну и че теперь?

– Я отработаю, – инструктор против несанкционированного взятия под стражу слова не сказал, по-прежнему готов сквозь землю провалиться. – Я отдам, вы не думайте...

– Сколько ты за месяц подымаешь?

– Пятьсот баксов. Я буду откладывать...

– Пятьсот?! Ты шутишь?! Нет, меня не волнует, что ты там будешь жрать. Хотя, если ты не будешь жрать, то быстро сдохнешь и не отдашь вообще никогда... Так... шесть в год, минус по сотне в месяц на хлеб – итого пять... Не понял – мне что, десять-двенадцать лет ждать? Да я в любой момент могу лыжи сдвинуть, доброжелателей – море!

– Сожалею, но... больше ничего предложить не могу. Если вас это утешит, можете меня пристрелить – я расписку напишу, что не против...

Эдик выкатил было глаза и в бешенстве разинул рот, как будто собирался откусить инструктору как минимум полголовы... Но осекся. Последнее предложение было подано без всякого ерничества, с предельной искренностью и звенящим отчаянием в голосе. Такое сыграть трудно.

Эдик закрыл рот и задумался. Личико в руку (все не влезло, больно здоровое личико – только нижняя челюсть поместилась), ножка вперед, глазки в кучу.

Пожалуй, излишне театрально. Поправлять нельзя, все в процессе. Да и не надо поправлять. Жертва вся в себе, в своем переживании ситуации, вряд ли обращает внимание на детали.

– Интересный тип, – отметил Лев Карлович. – И чего так убивается по чужой тачке? Наручники надевали, даже не пикнул...

Эдик челюсть мял недолго – человек действия, обозначил задумчивость, и ладно, – через минуту опять позвонил загадочному Гарику. Из разговора было件нятно, что Гарик не стал обнадеживать своего грозного приятеля и посоветовал мужественно принять утрату.

Эдик грубо послал советчика в некое известное место и позвонил еще какому-то большому челу.

Увы, спустя уже минуту было ясно, что все большие люди сегодня договорились поочередно огорчать славного парня Эдика.

– Я не понял!!! Что значит «не обещаю»? Ты генерал или конь в лампах?! – злобно орал Эдик в трубку. – Твои люди вообще что-нибудь могут, кроме как пьяных обирать?!

Откричав в трубку, Эдик поманил пальчиком админа и кивнул в сторону жертвы: уволить вчерашним числом. Вымарать из всех списков. И вообще, забыть о нем. Нет такого человека.

– Но...

– Свободен!!!

– Понял...

Админ мгновенно испарился.

Эдик резко развернулся к своему пленнику:

– Ты здоров?

– Здоров.

– Насколько здоров? – В тоне явственно сквозила какая-то нездоровая деловитость. – Сердечко, печень... А?

– Здоров как бык. Спортсмен, не пью, не курю. У меня даже ни одной пломбы нету, – инструктор сокрушенно вздохнул. – Была б еще польза от этого...

– Будет, будет, – Эдик ободряюще похлопал парня по плечу. – Я вот что... Я тебя на органы сдам.

– Хорошая шутка, – одобрил Лев Карлович. – Надо будет запомнить.

– Это не шутка, – в голос Эдика увесисто звякнула металлическая нотка. – Я знаю серьезных людей, которым прямо сейчас нужны сердце, почки и печень. И по деньгам все тип-топ – почти укладываюсь в тему...

Про куражливые интерпретации некоторых своенравных товарищей, обладающих властью над текущим моментом, обычно говорят так: «... и непонятно было, шутит он или говорит всерьез...»

А тут вдруг всем стало понятно: не шутит!

Секьюрити от неожиданности синхронно разинули рты. Ребята тертые, вроде бы всякого повидали, а вот поди ж ты...

– Я живым не дамся, – угрюмо пробормотал пленник. – Лучше сразу валите...

– Да тебя вообще никто не спрашивает, – Эдик брезгливо дернул щекой – как мошку согнал – и задумчиво качнул в руке телефон. – Так...

– погоди, – вмешался Лев Карлович. – Я не понял... Ты из-за каких-то ста штук хочешь человека угробить?

– В наше время и за меньшее убивают, – Эдик глумливо хмыкнул. – Я знаю людей, которые за такие бабки целый детсад вырежут – глазом не моргнут. А потом, разве в деньгах дело?

– А в чем?

– В том, что этот хрен с бугра мне в душу плюнул, – Эдик обернулся к пленнику и глянул на него так пронзительно, что все присутствующие невольно вздрогнули. – В общем-то, даже и не в тачке дело... Просто я ее под себя подгонял, потратил на это уйму времени. Я привык к ней, полюбил, как женщину... А теперь, значит, мне целый милицейский генерал советует не падать духом – потому что, типа, я не один такой! У многих, типа, больших людей тачки угнали и потом хрен нашли... Не, вы прикиньте: он мне вот это советует! Значит, пусть какой-то там чмошный отмороз катается на твоей красавице... А ты, типа, размажь плевок по всей роже и ходи себе!!!

На последних словах Эдик аж взвизгнул от злобы. Секьюрити дружно потупили взгляды и втянули головы в плечи. На лице инструктора явственно читалось одно желание: умереть быстро и безболезненно.

– Эдик...

– Ну?

– Ты меня уважаешь?

– Не, а вы-то тут при чем? Ваша тачка на месте. А, вы насчет часов? Да я отдам, вы не думайте... Вот...

– Эдик, я вопрос задал, – Лев Карлович решительно отстранил протянутые часы. – Оставь, у нас тут явный форс-мажор, так что пари недействительно... Ты меня уважаешь?

– Могли бы и не спрашивать. Не знаете, как я к вам отношусь?

– Понял, спасибо. Тогда вот что... Эдик, продай мне его.

– Вот это? – Эдик ткнул пальцем в инструктора и скривил личико в недоуменной гримасе. – Оно же абсолютно никчемное! Полный ноль. Зачем оно вам?

– Зачем? Понятия не имею. Просто «оно» – это живой человек. Понимаешь?

– Ну, живой – это ненадолго, – Эдик нехорошо ухмыльнулся. – Это очень легко исправить... Вообще, ума не приложу, какой вам от него толк будет...

– Тебе какая разница? Я предлагаю тебе сделку, а ты просто скажи, согласен или нет.

– Ага... – заинтересовался Эдик. – И что предлагаете?

– Номинал.

– То есть?

– Фактическая стоимость твоей машины, плюс бесплатная доводка и тюнинг в моем сервисе. Моральные траты – извини – компенсировать никак не могу.

– Угу... – Эдик опять забрал челюсть в руку и свел глаза в кучку. – Так...

– А потом, ты же у нас шустрый мальчуган. Глядишь, через недельку-другую отыщешь свою тачку. Тогда тебе вообще кругом сплошная выгода.

– Продано, – Эдик решительно взмахнул телефоном и сунул его в карман. – Но я надеюсь, вы его хоть немного на цепи подержите?

– Ну, это уже мое дело, – Лев Карлович царственно кивнул в сторону пленника: – Браслеты можете снять.

Секьюрити сняли наручники с пленника и подтолкнули его в спину. Жест смотрелся однозначно: давай, скотина, топай к хозяину!

– Убивать никого не буду, – глухо пробурчал инструктор, растирая запястья. – Так что, если вы за этим... Если есть какие-то мысли на этот счет...

– Убивать никого не надо, – совершенно серьезно сказал Лев Карлович, с интересом рассматривая свое приобретение. – Всех, кого надо, уже давно убили. Шутка...

– Да уж, это точно, – авторитетно подтвердил Эдик.

А прозвучало так, что непонятно было, что именно «точно». Точно шутка или точно всех убили?

– Думаю, я тебе найду работенку попроще, – Лев Карлович достал из кармана блокнот и зачем-то принялся его листать. – Отсюда тебя уволили, так что...

– Да, я готов, – торопливо кивнул инструктор. – Я отработаю, вы не сомневайтесь! Сутками буду пахать! И это... Короче, я попробую найти машину.

– Пфф... – Эдик презрительно оттопырил нижнюю губу. – Ну ни чмо? Все-таки надо было его на органы сдать...

– Похвальное рвение, – все так же серьезно одобрил Лев Карлович. – Имеется опыт в делах подобного рода? Связи, информеры, источники?

– Ну... Понимаете, я работал опером в убийном отделе. Довольно долго. Год как уволился... Да, связи кое-какие есть...

– Я опером не работал, – с сожалением развел руками Лев Карлович. – Так что понятия не имею, что это такое. Но я тут слушал, как Эдик общался по телефону с начальником УВД. И тот, судя по всему, не смог ничего пообещать. Нет, безусловно, если у отставного опера больше возможностей, чем у действующего начальника УВД...

– Извините... – инструктор покраснел и устался в землю. – Просто подумал: надо же что-то делать, не сидеть же сложа руки...

– Ничего, я найду, чем занять твои руки. И не только руки... – Сенковский внимательно посмотрел на свое «приобретение» и на несколько секунд задумался. – Так... Значит, говоришь, здоров как бык... Ну что ж, посмотрим. Клинику Сеченова знаешь?

– Та, что на Еланского?

– Именно.

– Знаю.

– Завтра туда – к семи утра, натошак, сдашь анализы. Я распоряжусь, тебя встретят.

– Погодите... Там же гинекология! И потом, зачем мне сдавать анализы?!

– Я должен быть уверен, что ты абсолютно здоров. Профиль учреждения пусть тебя не волнует, там сделают все, что надо. Алкоголь сегодня не принимать, завтра с утра ничего не есть, – Лев Карлович достал из портмоне визитку и протянул инструктору. – И завтра же, ровно к двум дня – по этому адресу. У меня перерыв на второй завтрак, уделю пять минут. И смотри, не опаздывай: я очень ценю свое время...

Глава 2

Действующие лица и исполнители

*«...Председателю Государственной Комиссии по борьбе с коррупцией
РАПОРТ*

Довожу до Вашего сведения, что за истекший квартал т. г. возглавляемый мною Комитет не выполнил ни одной из поставленных в начале отчетного периода задач. Сообщаю также, что перспектива выполнения этих задач в ближайшее время отсутствует, в связи с чем целесообразность функционирования Комитета практически равна нулю.

Учитывая вышеизложенное, прошу Вас перевести меня для дальнейшего исполнения обязанностей по прежнему месту службы – в Главное управление военной контрразведки.

*Директор Исполнительного Комитета
Государственной Комиссии по борьбе с коррупцией
Иванов С.П.
Число, подпись...»*

– Так-с... Это что у нас?

– Гхм... Виктор Николаевич, вы же прекрасно видите – это рапорт.

– Вижу. И что мне с ним... А! Вы, очевидно, резолюцию хотите?

– Хочу. И не только резолюцию...

– Легко!

Витя, не раздумывая, размашисто накатал в левом верхнем углу рапорта:

«Работать! Сидеть по управлениям вы все мастера!»

Затем, призадумавшись ровно на секунду, добавил:

«Работать, работать и работать! А кто не работает – тот не мужик!!!»

И поставил «министерскую» подпись.

– Держите.

– Зачем вы так? – обескураженно пробормотал Иванов. – Это, между прочим, официальный документ. Я ему собирался дать ход...

– А куда, если не секрет? – вяло заинтересовался Витя, глянув на часы.

– В смысле – «куда»?

– Куда ход?

– Ну... в секретариат, наверное...

– В думский или правительственный?

– Эмм...

– Сергей Петрович, вы же прекрасно знаете, что комиссия подчиняется непосредственно Президенту. У нас тут такая коротенькая «вертикаль»: предкомиссии – Президент, дальше – Господь Бог. А ход – это, насколько я понимаю, движение документа «наверх», правильно?

– Ну, в общем – да...

– Хе-хе... Вы что же, думаете, вашу бумажку зарегистрируют в Администрации?

– Я не думаю, но...

– Бросьте дурака валять, Петрович, – Витя недовольно поморщился и опять глянул на часы. – Я вас хоть раз упрекнул в отсутствии результатов?

– Нет, не упрекнули. Однако...

– Ну так и в чем проблема? Совесть мучает?

– Да просто непривычно как-то... Понимаете – чувствую себя полным дармоедом.

– Да бросьте вы! – Витя небрежно плеснул ручкой. – Это что еще за приступ гражданского самосознания?! Любой крупный государственный проект вот так с ходу, с бухты-барахты, не делается. На реализацию всех проектов такого рода уходят годы. А вы хотите, чтобы у вас за три месяца функционирования были какие-то видимые результаты?

– Вы знаете, что мы за это время собрали немало информации. У нас имеется очень даже приличная база данных...

– В курсе. Видите, какие-то результаты все же есть. Я в курсе, что команда трудится не покладая рук, так что насчет дармоедства – это вы зря, батенька, зря!

– Так вот, боюсь показаться конченным пессимистом, однако...

– Да не бойтесь, уже показали. И не сейчас, а бог знает как давно. Пожалуй, при первом же знакомстве... Что – будет трудно? Это для меня не новость. Когда нам с вами было легко?

– Нет, боюсь, что будет совсем никак. Вернее – совсем не будет.

– То есть?

– Рапорт, который вы испортили... Я написал четко и ясно: перспективы выполнения задач отсутствуют, целесообразность равна нулю...

– Может, механизм стимулирования пересмотреть? – Витя озабоченно изогнул бровь. – Так, что мы там еще можем дать...

– Да не в этом дело! – в отчаянии воскликнул Иванов. – Ну что вы, не понимаете, что ли? Это же глухая стена, без малейшей брешки! Это Система! Что может какой-то там кроха-Комитет сделать против Системы?

– Шура! – вопреки ожиданиям, Витя впасть в панику не стал, а напротив, отчего-то разулыбался и лукаво подмигнул Иванову.

– Слушаю, – в дверях кабинета мгновенно возникла секретарь-референт, дамочка от тридцати, сугубо делового, а местами даже военного обличья.

– Две тысячи второй, Иванов, безысходность, – отдал странное распоряжение Витя.

– Сию минуту, – Шура кивнула и скрылась за дверью.

– Не понял... Что вы имеете в виду?

– Сейчас принесут – сами все увидите. Вернее, услышите...

Через две минуты вернулась Шура с лазерным диском. По-хозяйски расположилась за боковым столиком с компьютером, диск воткнула в привод, порхнула пальчиками по клавиатуре...

– Тут три безысходности. Нам какую надо?

– Пожалуй, самую первую. По-моему, это сентябрь... Сентябрь есть?

– Есть.

– Ну вот, давай ее.

– Пожалуйста.

«... Да я говорю вам – никаких шансов!... – ворвался в кабинет тоскующий голос Иванова. – ... Вы же прекрасно знаете статистику. Куда ни посмотрите – везде по нулям! И это – ФСБ, могучее ведомство с неограниченными возможностями и отлично налаженной машиной военной контрразведки. Ну и что, по-вашему, здесь может добиться какая-то паршивая кучка дилетантов? Вы что, не понимаете, что это тупик? Это же глухая стена, без единой брешки!!!...»

– Знакомая песня, не правда ли? – Витя кивнул Шуре, чтобы остановила трансляцию, и жизнерадостно хмыкнул. – Вы, Петрович, судя по всему, в детстве мечтали стать каменщиком...

«Мало того, что все подряд пишет, так еще и не скрывает этого, – машинально отметил Иванов, чувствуя, что щеки его наливаются конфузливый багрянцем. – Вроде бы государственный человек, персона самого высокого уровня... а как был майором-чекистом, так им и остался...»

– ...И знаете – легко верится, что при других обстоятельствах ваша мечта наверняка бы осуществилась. И были бы вы прекрасным мастером! Стены у вас получались бы без единой бреши... Хе-хе...

– Это все, конечно, занимательно... – Иванов досадливо нахмурился. – Но связи с нынешней ситуацией не вижу. Согласитесь, что это вещи совершенно разного порядка. Если взять условия работы команды в две тысячи втором и сейчас – так их просто даже сравнивать нельзя. Там мы были, что называется, как рыба в воде, а здесь... Как нечто такое нехорошее в проруби... Гхм-кхм... В общем, извините, но аналогия не совсем верная. Не вижу связи.

– Спасибо, Шура, – Витя опять кивнул – секретарь изъела диск и удалилась. – По поводу аналогии спорить не буду, вам виднее... Насчет связи – не согласен. Связь есть, причем самая что ни на есть прямая. Вам напомнить о результатах деятельности команды?

В дискуссии Витя беспощаден, на мелочи не отвлекается, бьет козырями, наповал, так что даже и контрольного пинка в голову не надо. Судите сами, вот краткий итог поэтапной деятельности возглавляемой Ивановым команды за двухлетний период:

- ликвидация резидентной сети, поимка самого резидента иноразведки, арест высокопоставленного предателя в наших рядах, уничтожение банды «оборотней», работавших на подрыв репутации Федеральных сил;

- ликвидация организации, которая занималась массовой подготовкой шахидов. Возглавлял эту кампанию матерый международный террорист с колоссальным стажем, взяли его, как ни странно, живым и при этом умудрились предотвратить крупные теракты в ряде кавказских городов;

- ликвидация террористического отряда саперов «Дашо Гов» (букв. перевод – «Золотой гул»), этакой сборной, созданной для срыва чеченского референдума и возглавляемой легендарным асом минного дела – неким Шахом;

- ликвидация террориста номер два (по списку СНГ) в Баку и предотвращение теракта в отношении первой леди Российской империи;

- ликвидация группы террористов, готовивших захват Госдумы, и, как следствие, предотвращение захвата этой самой Думы;

- ликвидация диверсионной группы «Трибунал Джихада», состоявшей из наемников-славян и успевшей за краткий период своего функционирования нанести колоссальный ущерб в нашем «тылу».¹

Да, есть такое дело: сплющ и рядом получают одни «ликвиды». Но это уже ненамеренно, так вышло. Рассматривается ведь не весь комплекс мероприятий (читай – каторжная оперативная работа без сна и отдыха, провалы и озарения, смертельный риск и повседневная рутина), а итоги жизнедеятельности. Да и не всех подряд там ликвидировали, кое-кто остался в живых и по сей день потребляет казенные харчи в хорошо изолированных учреждениях пенитенциарного типа.

Если кто не совсем в курсе специфики профиля, спросите у знакомых, работающих в Системе: каковы результаты для коллектива в семь человек за два года? Хотя можете не спрашивать, поверьте на слово: результаты просто колоссальные, а местами даже и фантастические. Трудно поверить, что все вышеперечисленное – дело рук одной немногочисленной команды.

Теперь остается увязать с данными результатами пессимистические вопли Иванова в ходе «ввода» команды в процесс, и уже не надо объяснять иронию вредного Вити. Итак...

- Вам напомнить о результатах деятельности команды?

- Спасибо, необязательно. Знаете, я некоторым образом в курсе...

- Язва вы, Сергей Петрович, – Витя укоризненно сморщил нос. – «Некоторым образом»... Ну что, вы от меня так отстанете или мне прокомментировать связь?

¹ В порядке очередности, все шесть книг серии «Команда № 9».

– Связь между ситуациями присутствует, согласен, – неуступчиво пробурчал Иванов. – А вот условия совершенно разные. Там мы работали в группировке, скажем прямо – в режиме военного положения, в районе боевых действий и «прифронтовой» зоне. Методика работы была целиком и полностью увязана с условиями и давала определенный результат. А что мы имеем сейчас?

Последняя фраза прозвучала с явственной трагично-ностальгической ноткой. Витя – большой любитель побрызгать скепсисом, тотчас же ухватился за интонацию:

– Да, я понимаю. Трудно вам тут. Ни подъехать на танке – шарахнуть прямой наводкой, ни фугас тебе поставить, ни зачистку провести, парочку «духов» из погреба выкурить...

– Веселый вы человек, Виктор Николаевич, – уныло заметил Иванов, глядя в сторону. – Все-то у вас легко и запросто. А я, хоть убейте, не вижу ни единого повода для такого здорового оптимизма...

Витя покачал головой, встал и застегнул на пиджаке пуговку. Простой начальственный жест, доступный для понимания даже самого тупого подчиненного: «Достал, нытик! Щас я те...»

Иванов дисциплинированно подскочил, взял со стола свою папку.

– Ну что ж, извините, что отнял у вас время...

– Сергей Петрович...

– Да?

– В некоторых кругах бытует мнение, что я к подчиненным мне людям отношусь сугубо утилитарно... Да вы, наверное, в курсе...

Иванов вслух данное высказывание подтверждать не стал – не совсем корректно получается, а просто неопределенно пожал плечами и прочистил горло. А взглядом подтвердил: да еще бы не в курсе! Сатрап ты, вот что! Есть результат – молодец, ты мне нужен. Нет толку – убирайся к чертовой матери, проследите, чтобы это чучело получило расчет и больше никогда не появлялось даже в обозримой видимости. Никаких личных симпатий или антипатий, все отношения основаны исключительно на полезности субъектов, вращающихся в орбите звезды по имени Витя...

– Так вот, я на эту тему дебатировать более не желаю. Вы меня знаете не первый год. Подумайте – стал бы я терпеть бездельников и дармоедов только лишь за их высокие заслуги в прошлом?

– Ну, я не знаю...

– Да все вы прекрасно знаете! Уж поверьте, давно бы отдал всех обратно – просто за красивые глаза держать не стал бы.

– Насчет отдать обратно – хорошая мысль. Может, пока не поздно...

– Поздно, батенька, поздно! Теперь уже все, назад дороги нет.

– Не понял... – Взгляд Иванова наполнился нешуточной озабоченностью. – В своих ведомствах мы пока что в штате... Или я чего-то не знаю? Это с какого момента стало поздно?

– Да с того самого, как родились! Вы, Сергей Петрович, – талант. Яркий, самобытный, один на сто тысяч. Ваши люди – такие же, я сам вас всех выбирал именно по этому признаку.

– Это, конечно, приятно слышать, однако...

– Да хватит, надоели вы со своим брюзжаньем! Поверьте мне, Петрович: условия – фигня! Просто вы еще не обтерлись. Для ознакомительного этапа это нормально. Главное – люди! Понимаете?

Взгляд Витин светел, устремлен в будущее и отчасти даже преисполнен некоего должностного фанатизма. Флаг в руки, вентилятор со спины включить, грамотная подсветочка сбоку – образец служебного оптимизма.

Иванов не выдержал: потупился и прерывисто вздохнул. Может, сказать тебе, энтузиаст ты наш, чем твои люди со скуки маются? Маленькие такие шалости, типа насильственного

захвата власти в отдельно взятом административном районе, со всеми вытекающими последствиями...

– Ну вот... Что опять такое? Я не прав насчет людей?

Нет, пожалуй, не стоит. Не тот уровень. Больно высоко для сельских масштабов. Даже в подробности вдаваться не станет, самого и обвинит в безрукости. Совсем, скажет, скурвились, по таким мелочам сами разобраться не в состоянии...

– Да нет, это я так – о своем.

– Ох, Сергей Петрович!... Вы мне это дело прекращайте. Все будет нормально, дайте срок. И не надо давить на меня своим пессимизмом, все равно без толку! Я вас уже вдоль и поперек изучил.

– Да я, в общем-то...

– Ну вот и славно. Идите и работайте. Брюзжать и ныть мы все умеем – работать некому...

* * *

Исполком располагался здесь же, на Большой Дмитровке, – в трех минутах ходьбы. Отдельная парковка с декоративной оградкой, охрана снаружи, охрана в вестибюле.

– Доброе утро, Сергей Петрович!

Охрана Иванову не подчиняется, но эти посты стерегут именно его контуру, хлопцы заступают одни и те же, знают: Сергей Петрович – большой человек. Потому что пускать внутрь можно только тех субъектов, у которых на пропуске личная подпись Сергея Петровича. Или по личному звонку Сергея Петровича. А кто он вообще такой и чем конкретно занимается комитет – черт его знает, это какой-то жуткий государственный секрет.

– Да просто будем груши околачивать, – задумчиво пробормотал Иванов, набирая код на входной двери Исполкома. – Совершенно секретный тунейдец всех времен и народов...

Апартаменты Исполкому выделили – оторви да брось. В этом доме до Октябрьского переворота проживали вредные жирные империалистические буржуи, и аккуратно в том месте, где сейчас располагается команда Иванова, у них был бальный зал. Они тут на ассамблеях оттягивались да маскарады закатывали. И не помышляли ведь, недаленовидные аристократы, что очень скоро всем будет рулить веселая еврейская интеллигенция, которая всех буржуев отчасти расстреляет, отчасти выкинет к чертовой маме в Европу, а прямо в зале оборудует государственное учреждение.

Подобные апартаменты все неоднократно видели в кино, поэтому нетрудно будет представить себе интерьер Исполкома. Никаких тебе прихожих-ресепшн, сразу от входа шагаем в большущее помещение идеально круглой формы, с высоченным сводчатым потолком, разноцветным паркетом и стрельчатыми многоячеистыми окнами. Это холл, комната совещаний и оперативный зал. Если снять крышу и посмотреть сверху, апартаменты Исполкома будут похожи на гигантскую шестерню с несимметричными зубцами: двери всех служебных помещений выходят прямо в зал, тамбуров и коридоров нет. Справа налево у нас располагаются: дверь номер один – как водится, санузел; дверь номер два и три – двухсекционные покои НТО (научно-технического отдела) и его лаборатории; посередке, аккуратно напротив входа, – кабинет Иванова; дверь номер пять – оперативный отдел; и последняя (или первая слева от входа) – отдел физзащиты.

Отдел физзащиты хронически пуст. Там, по идее, должны находиться Петрушин и Вася Крюков. Но эти занятые люди постоянно торчат в учебном центре, что располагается в двадцати километрах от Москвы, готовят три отделения физзащиты для непонятно каких острых акций. В оперативном отделе обосновались Костя Воронцов и Сергей Кочергин. В покоях научно-технического отдела и лаборатории – Глебыч и Лиза.

Сегодня исключение. Петрушин с утра здесь – по делу, Вася с личным составом остался «на хозяйстве». Остальная публика, как обычно, собралась в зале, жаждет прибытия начальства. Смотрят выжидающе и как-то еще. Как-то даже требовательно, что ли...

– Доброе утро, Сергей Петрович!!!

– Да, утро... (Чтоб вам всем провалиться, оболтусы!) Гхм-кхм... Доброе, если оно доброе...

А вообще, если честно, прекрасные апартаменты. Если вы с командой уже знакомы, можете легко оценить степень комфортабельности в сравнительном эквиваленте. Раньше-то наши хлопцы ютились в палатках, блиндажах да полуразваленных дощатых модулях. А совсем рядом, в тридцати метрах, располагались позиции артдивизиона, который имел обыкновение по ночам работать в профилактическом режиме. Хе-хе...

Отсутствие коридора стесняет Иванова только последние две недели. До этого как-то даже не обращал внимания на такую мелочь, не до того было.

А сейчас пригодилось бы. По коридору можно было бы прошмыгнуть незамеченным в кабинет, засесть там с важным видом, а по селектору распорядиться: все по графику, работаем...

А тут заходишь: вот они все! Смотрят пристально, ждут озадачивания и комментариев к ситуации (как десять минут назад сам Иванов от Вити).

Иванов уже две недели не проводит совещания. И не потому, что от рук отбилась или заразился вельможным чванством, шастая по высоким кабинетам. Просто нечего сказать людям. «Совещания не будет, все по плану...» И – двадцать четыре шага по прямой, до кабинета. Сказать, что ли, чтобы столы в центр поставили, загромождали площадь? Столы у стены стоят, между кабинетом директора и оперативным отделом – места навалом, четыре в ряд влезли. Пока идешь, все смотрят. Люди умные, каждый – самородок, правильно Витя сказал. Смотрят с сочувствием, постепенно, день ото дня переходящим в досаду.

– Новости есть, Сергей Петрович?

– Новостей пока нет, одни старости. Все по плану, занимайтесь. Евгений, давай ко мне.

Петрушин – богатырь под два метра, самый бравый вояка в команде. В партикулярном платье (проще говоря – в гражданке) похож черт знает на кого. Не сказать, чтобы совсем уж горилла во фраке, но прямо сейчас можно фотографировать анфас и вешать на холодильник. Похудеете быстро и качественно.

В руках у Петрушина пухлая папка. Во взоре задумчивость, весь облик ратного человека насыщен досадной неопределенностью. Неопределенность – самая мерзкая вещь для людей действия. Сам Петрушин по этому поводу высказывается так:

– Лучше твердо знать, что тебя завтра расстреляют, чем теряться в догадках, когда «финик» привезет «боевые»...

Накануне человеку довели, на что примерно тянут чудачества его лично и подчиненных ему личностей, а безболезненного разрешения ситуации не пообещали. И хотя все вроде бы сделали правильно и методически грамотно, чем все это кончится, пока что никто не знает...

– Сергей Петрович, я к вам человека привел, – поспешно сообщил в спину начальнику Костя – поймал на последних семи шагах.

– Человека – Петрушина? – вяло отшутился Иванов, не сбавляя темпа. – Спасибо, что привел. Сам не хотел идти?

– Чего это я не хотел? Если Родина сказала «надо»...

– Другого человека.

– ??? – Иванов так притормозил у самого кабинета и обернулся с выражением легкой досады. Не то чтобы с Костей общаться не хочется, просто вид у психолога маленько того... Какой-то нездорово оптимистичный вид. Совершенно не соответствующий мрачной безыс-

ходности ситуации. Откуда что берется – непонятно. Видимо, очередной бредовый инсайн. А говорить гадости хорошему человеку лишний раз не хочется.

– Валера!

Сортирная дверь распахнулась, являя постороннего. Симпатичный крепыш выше среднего, скуластенький такой шатен, розовощекий, здоровьем пышущий, пронзительно голубоглазый и... сумрачный. Примерно как Петрушин. Руки мокрые, волосы влажные, торопливо промакивает короткую прическу носовым платком.

– Там ветродуй есть, – подсказал Костя.

– Кто?

– Сушилка, – уточнил Глебыч.

– Да ладно, я так... – во взгляде крепыша легко читается – но без декларации, ненавязчиво: у меня проблемы, беспокоить осторожно. А лучше вообще – ну вас всех...

«Ну и зачем тогда пришел? – по инерции подумал было Иванов и тотчас же спохватился: – Ни фиги себе, новости!»

Апартаменты Исполкома вообще-то – режимный объект особой категории. Сюда уборщица (проверенная до седьмого колена, система-то еще со времен КГБ работает) в сопровождении двух охранников заходит. Прибирается, а они следят, глаз не спускают.

Вопрос: как пропустили чужого без разрешения Иванова? Пусть даже и в сопровождении Кости Воронцова, это значения не имеет. Для охраны единственным основанием к допуску является личное распоряжение Директора, это прописано во всех инструкциях, которые здесь, слава богу, блюдятся неукоснительно.

Костя – уникум, непревзойденный мастер по части всего, что касается человеческой психологии. Бывает так, что мимоходом балуется на заданную тему, но это ненароком, безо всякого злого умысла. Надо будет потом истребовать синхронную запись аудиоконтроля и видеонаблюдения в вестибюле, послушать, чего он им такого наплел...

– Гхм... Ростовский. Валера... Иванович.

– Очень приятно, Валера Иванович. Чем обязан?

– Да вот, Костя сказал... Гхм-кхм...

– Сергей Петрович, вы знаете – я бы просто так беспокоить не стал, – Костя буквально светится весь от азарта, как будто кто-то включил в нем киловаттную лампу. – Это что-то! В общем, надо все бросить и заняться...

– Ну-ну, – Иванов кисло ухмыльнулся. – Сейчас с Петрушиным разберемся – потом все бросим и займемся. Заходи, Евгений...

* * *

Предлагаю, пока Иванов разбирается с Петрушиным, коротенько пробежаться по сути и задачам Исполкома, а заодно познакомиться с командой и большим мужиком Витей. Кто с командой уже общался, можете листать далее, ничего нового для себя на следующих трех страничках вы не обнаружите.

Итак, знакомьтесь. Нумерация просто по позывным, без всяких предпочтений.

№ 1. Иванов Сергей Петрович. Сорок четыре года, женат, двое детей. Полковник, до недавнего времени начальник оперативного отдела контрразведки Северо-Кавказского военного округа. В настоящий момент числится на генеральской должности в Главном управлении военной контрразведки, но в собственно должности не был ни дня, сразу с Кавказа бессрочно откомандирован (с сохранением жалованья и всего соцпакета по постоянному месту службы) в распоряжение Председателя Государственной комиссии по борьбе с коррупцией. В Витино, то бишь, распоряжение. Сразу оговоримся: остальные члены также откомандированы с сохранением по прежнему месту службы.

Пожалуй, самый приличный товарищ в команде, без каких-либо сдвигов. Главарь всей этой банды. Взяли за то, что умница и прекрасный аналитик. Дополнительные характеризующие черты: неплохо стреляет и слывет большим либералом (при условии, что подчиненный – тоже умница). Страдает аллергией на дешевые сигареты и идиотов.

№ 2. Семен Глебович Васильев. Сорок три года, холост. Подполковник, начальник инженерной службы ДШБр (десантно-штурмовой бригады). Специализация – взрывотехника, а вообще просто золотые руки: из пачки гвоздей и отрезка канализационной трубы может миномет собрать. Соавтор семи пособий по саперному делу. Во время прохождения службы в Афганистане был два месяца в плену. Взорвал базу моджахедов, на которой содержался. Бежал, прихватив с собой двух оставшихся в живых контуженных охранников, месяц прятался в горах. Непонятно, как выжил, ушел от всех облав, добрался до своих, в процессе путешествия обоих моджахедов... съел. После лечения в психбольнице вернулся в строй, живет в «горячих точках», дома – проездом. Хобби: любит в пьяном виде, с завязанными глазами разминировать МВУ (минно-взрывные устройства) повышенной категории сложности.

Известный баловник. Шутит не всегда корректно: то заминировать большое начальство, а потом предлагает самостоятельно обезвредить ВУ (при этом вместо ВВ использует муляж – большое спасибо за это, но запалы-то настоящие, бывает ужас как неприятно!), то просто демонстрирует твердость рук. То есть это не всегда, а в крепком подпитии: глядите, вроде пьяный, а руки не дрожат... Как-то раз в процессе тяжелого застолья наш сапер выдернул у «Ф-1» чеку и принялся выкручивать запал. Гранату он зажал меж колен, а выкручивал чеку обеими руками (они у него и в самом деле не трясутся даже в мертвецки пьяном состоянии – это похоже на чудо, но это факт!).

Присутствующие при эксперименте товарищи шутки не поняли (все военные, соображают – замедлитель горит не более четырех секунд), ломанулись кто куда. Но сапер справился. Запал, отброшенный в сторону, шлепнул уже в полете, в метре от гранаты.

Дополнительные характеризующие черты: болезненно свободолюбив, не выносит хамов, отсюда постоянные конфликты с начальством. Терпят исключительно ввиду высочайшего профессионализма – другого такого, пожалуй, во всех Вооруженных силах не сыщешь.

№ 3. Петрушин Евгений Борисович. Тридцать восемь лет, холост. Майор, зам по БСП (боевая и специальная подготовка) командира седьмого отряда спецназа ВВ. Профориентация – специальная тактика. Прозвище – Гестапо. Живет там же, где и Глебыч, дома – проездом. В первую чеченскую три недели был в плену, сидел практически в самой южной точке республики, высоко в горах. Не уколошили сразу только потому, что хотели обменять на известного полевого командира. Посидел три недели – надоело, вырезал всех лишних и удрал. Обозначил ложное направление движения, обманул погоню, забрался во двор хозяина района – одного из полевых командиров, наглухо упразднил охрану, самого командира взял в заложники и, пользуясь им, как живым щитом, на его же джипе добрался до расположения наших. Командира сдавать не пожелал – застрелил на глазах бойцов блокпоста. Видимо, был не в настроении.

Хобби – пленных не брать. Вернее, брать, но до штаба не довозить. Есть информация, что лично любит пытать пленных и вообще слывет мастером допросов. Даже самые крутые горные орлы «раскалываются» на пятой минуте общения. Видимо, отсюда и прозвище. Обладает молниеносной реакцией, специалист практически по всем видам стрелкового и холодного оружия, бесстрашен, беспощаден к врагу и слабостям соратников. Персональный кровник девяти чеченских тейпов. Имеет маленький пунктик: вызывать на дуэль плохо обращающихся с ним старших чинов. Понятное дело – на дуэль с этим головорезом согласится не каждый, да и закона такого нету! Но прецедент, как говорят, место имеет...

№ 4. Воронцов Константин Иванович. Тридцать восемь лет, женат, двое детей. Майор, военный психолог. Кадровый военный, психологом стал, заочно окончив столичный пед. Единственный в войсках доктор наук, проходящий службу в действующей части.

Среди своих имеет обусловленное профессией прозвище – «Псих», или «Доктор». Автор двух диссертаций, имеет нехорошее отклонение: страшно не любит тупых начальников и подвергает их всяческой обструкции. Прекрасный педагог, мастер психологического прогноза, специалист по переговорам в экстремальной ситуации и так называемым обменам. В начале второй кампании был в плену: на переговорах взяли в заложники. Посидел пять дней, от нечего делать расколупал психотипы охранников и каким-то образом умудрился так их поссорить меж собой, что те вступили в боестолкновение с применением огнестрельного оружия. Проще говоря, перестрелялись. Психолог, воспользовавшись суматохой, завладел оружием одного убитого стража и принял участие в ссоре – добил двоих раненых. И удрал, прихватив с собой других пленных. Короче, хороший солдат.

№ 5. Василий Иванович Крюков. 28 лет, холост. Майор, начальник разведки энской бригады. На должность назначили в конце прошлого года, хотя ВРИД ходил года три. Мотивация была простая: молодо выглядит, да и вообще... хулиганит маленько. Имеет репутацию отъявленного грубияна и задиры.

Потомственный сибиряк-охотник, мастер войсковой разведки, недоброжелатели утверждают – мутант-де, ночью видит, нюх как у собаки. Может бесшумно перемещаться по любой местности, сутками напролет лежать без движения, прикинувшись бревном, «читать» следы и так далее. Дерсу Узала, короче – войскового разлива.

В жизненной концепции Крюкова отсутствует пункт, необходимый для успешного продвижения по службе. Вася не признает чинопочитания и относится к людям сугубо с позиции человеческого фактора. Если человек достойный, но всего лишь солдат, Вася будет пить с ним водку и поделится последней банкой тушенки. Если же это генерал, но хам и «чайник» в своей сфере, Вася запросто выскажет ему в лицо свое мнение или просто пошлет в задницу. В общем, тяжелый случай.

Если подходить к вопросу с официальной точки зрения, Вася – военный преступник и полный кандидат в группу² «Н» (склонен к суициду). Примеры приводить не станем, это долгая история. Вот наиболее яркий: как-то раз, чтобы разгромить базу боевиков, скоординировал нашу артиллерию метр в метр на точку своего нахождения!

Особенности: страдает графоманией. Сочиняет жутко скабрзные стишки и два года подряд рождает военно-полевой роман. Если таковой вдруг когда-нибудь родится, все вместе взятые литературные грубияны страны могут отдыхать...

№ 6. Старший лейтенант ГРУ – Сергей Александрович Кочергин. Выглядит как минимум на тридцать. На самом деле парню в следующем месяце исполнится двадцать три года. Взрослый товарищ. Выпускник МГИМО. Из семьи высшего столичного света. Холост, естественно.

Плюсы: свободно владеет чеченским, английским, арабским и фарси. Отменный рукопашник и стрелок. В совершенстве знает компьютер. В общем, полезный малый. Дополнительные характеризующие особенности: несмотря на светское воспитание, в некоторых случаях склонен к силовому решению конфликтов. Было дело, избил двоих полковников своего ведомства, якобы оскорбивших его сослуживца. Кроме того, если верить оперативным данным, в биографии молодого человека имеет место какой-то расплывчатый эпизод с десятком трупов чеченской принадлежности. Эпизод четырехлетней давности, нигде официально не значится, но информация присутствует. Будучи еще гражданским лицом, находился в плену на базе Умаева-младшего (Итумкалинский перевал). Организовал и возглавил побег (опять оперативные данные, фактов нет) полутора десятков пленных, в результате которого небольшой отряд Умаева был полностью уничтожен. Больше ничего по нему нет.

² Группа «Н» – военные, которых нельзя допускать к выполнению СБЗ. Садисты, лунатики, психи, самоубийцы, энурезники и так далее. На последний момент моей службы в войсках – примерно 15 процентов от всей списочной численности.

И в завершение № 7. Елизавета Юрьевна Васильева. Уроженка Санкт-Петербурга. Майор ФСБ. Двадцать восемь лет, вдова. Муж – полковник ФСБ, погиб при выполнении особого задания в конце первой чеченской. Детей нет.

Специалист по радиоэлектронике, устройствам видеоаудиовизуального контроля (читай – шпионской техники). Владеет английским, разговорным чеченским, сносно знает турецкий (и соответственно – азербайджанский). Серебряный призер Северо-Западного управления по стрельбе, мастер спорта по биатлону. Хобби – китайская философия, ушу, макраме.

В свое время была сослана в команду за нанесение тяжких телесных непосредственному начальнику. Вроде бы этот непосредственный воспылал к Лизе нездоровой страстью и пытался в условиях командировки неправильно воспользоваться своим служебным положением. Такое частенько случается: вдали от семьи, на чужбине, дивчина симпатичная и так далее...

Однако что-то там у них не заладилось. Задумчивая Лиза к начальственным попользованиям отнеслась без должного понимания и... прострелила непосредственному мошонку. Из табельного оружия. Трижды. И, как утверждает пострадавший, сделала это без какого-либо оттенка скандальности. Задумчиво улыбаясь и глядя вдаль туманным взором. Вот такая тихоня.

Все, по составу полный расклад. Почему такой странный состав для полугражданской организации? Следите за развитием событий, очень скоро все будет ясно.

Теперь пара слов о большом мужике Вите. Сразу, чтобы не было никаких недомолвок: Витя – бывший чекист, человек из «питерской команды», лицо, особо приближенное к Хозяину. А то знаете, как бывает, – подпустят туману и намекают постоянно: высокое покровительство, какие-то там офигенные связи, потому, мол, все и решается на раз... Нет, тут все просто и ясно, хотя, если честно, на раз или даже на раз-два-три что-то решается крайне редко, а в норме – с большими потугами и страшным скрипом.

В свое время Витя пытался единолично бороться с разнообразными иноразведками и их вредными резидентами на Северном Кавказе. А поскольку до него эта борьба уже всюду велась, причем специально адаптированными к такой работе могущественными ведомствами, нужна была какая-то в корне нестандартная новация (получится – молодец, первооткрыватель, не получится – ну что ж, новация все же, процесс апробирования и все такое прочее...).

Витя, большой оригинал и выдумщик, рассуждал так: иноразведки без людей внутри Системы – ноль. Они обязательно должны контактировать с нашими военнослужащими и сотрудниками, вербовать их, общаться и т. д. Потому в команду, которая должна была осуществлять великодержавные планы спецпредставителя президента, подобрали мастеров ратного и оперативного искусства... но не отличников боевой и политической подготовки, а отъявленных негодяев, башибузуков, которых начальство терпело лишь ввиду их высокой квалификации и в некотором роде даже незаменимости. Дело в том, что эти люди, благодаря их колоссальному личному авторитету, имели массу «достойных» знакомств и доступ едва ли не ко всем интимным секретам и мелким тайнам ОГВС (объединенной группировки). Что в принципе и требовалось для результативной работы по выявлению возможных «агентов влияния».

Другими словами, команда была создана Витей конкретно для борьбы с иноразведками и резидентами.

Результат двухлетней деятельности этого необычного формирования нам известен: в числе всего прочего отловили всего лишь одного резидента. То есть, по большому счету, вроде бы не оправдали высокого доверия... Но от «побочной» деятельности команды вышла очень даже немаленькая польза, в результате чего инициатор, Витя, крепенько приподнялся буквально по всем позициям.

Приподнятому Вите на Кавказе стало тесно, и он решил, что пора перебираться в центр и попробовать свои силы в каком-нибудь очередном грандиозном предприятии. Осмотрелся

по сторонам, прислушался – чем там Хозяин дышит, о чем шушукуются в кулуарах на злобу дня, быстренько составил проект и, как всегда, попал в унисон с чаяниями времени.

Вот таким образом Витя стал спецпредставителем президента по ЦФО и одновременно председателем государственной комиссии по борьбе с коррупцией. Все по его проекту, даже указ под него делали.

Команду перетаскил с собой в полном составе. Не потому, что полюбил всех, как братьев, а просто привык. Удобно, знаете ли. Надежный, проверенный агрегат для решения разного рода вопросов. Если обратиться к практике повышений, такое зачастую случается даже без учета какой-либо полезности той или иной составляющей прежнего бытия. Человек получает новую должность, переезжает в новый кабинет и тащит с собой, допустим, какие-нибудь старинные часы с кукушкой или дубовый письменный прибор. Ему бы, конечно, новые аксессуары дали, современные, красивые, эргономичные и так далее... Но он привык к старым вещам. Они удобны и в некотором роде уже не просто вещи. Они – свидетели карьерного роста, сожители, соучастники, если хотите. А все новое, кстати, надо осваивать, подгонять под себя, доводить до ума, тратить на это довольно много времени.

Кроме того, существовал и вполне практический аспект использования старой команды в новом режиме: исходя из поставленных задач.

Задач было две: основная и сверх.

Основная, понятное дело, – борьба с коррупцией. С какой именно и как, это уже детали, главное – борьба.

Сверхзадача... Хе-хе... Для начала процитируем первую страничку нового ежедневника Васи Крюкова – человека крайне дремучего, но скрупулезно записывающего все, что с ходу не укладывается в «оперативную память», – чтобы потом поинтересоваться у более мудрых собратьев, что это такое:

«...Сверхзада: создание предпосылок... Ну ни... себе! Короче – это круто, но это военная тайна. Писать нельзя... В смысле, „писать“ – ударение на „сать“ а не на „пи“...»

Итак, сверхзадача (прошу не падать в обморок!): создание предпосылок для возврата стратегических сырьевых ресурсов России в государственное пользование.

Здорово, правда? Сначала, значит, раздали за бесценок кому ни попадая, теперь хотят вернуть все обратно. Даже на первый взгляд, без углубления в подробности, понятно: процесс намечается неподъемно тяжелый, непредсказуемый, с великой массой разнообразных нюансов. И потом: что общего между командой специалистов, посвятивших свою жизнь борьбе с терроризмом, и (иначе и не назовешь!) переделом собственности?!

– В общем, это жест отчаяния, – вот так пояснил ситуацию Витя. – Причем жест с самых верхов. Есть мнение, что далее терпеть нельзя и надо что-то делать. Цитирую Хозяина: «... Если мы в самое ближайшее время не займемся ситуацией, то... ситуация займется нами...» В общих же чертах ситуация примерно такова...

Далее Витя высказывался долго и весьма пространно, но мы это дело опустим и объясним коротко и по существу.

Все в курсе, что ловкий предшественник нынешнего Хозяина сотоварищи де-факто раздал практически бесплатно весь стратегический ресурс России. Есть, правда, предположение, что это было сделано не просто хищнически, а вполне с благой целью: поднять стремительно хиреющую экономику бесславно павшей великой державы. То есть создать класс капиталистов – комсомольцев, которые, хапнув как следует, в конечном итоге воскресят отечественную промышленность, осуществят какие-то там передовые реформы, возродят купечество, сельское хозяйство и так далее и тому подобное.

Размышляли, по-видимому, так: когда все общее, то, по сути, оно все ничье – нет хозяина. Пусть принадлежит кому-то конкретно, глядишь, получим результат и будем все кругом в шоколаде!

Под это дело, между прочим, в кратчайший срок основательно перелопатили (хочется сказать – извратили донельзя) наш с вами Основной закон. То есть предшественник нынешнего Хозяина издал несколько десятков «приватизационных» указов, радикально меняющих экономические основы общественного строя, что в соответствии с Конституцией могло быть сделано только волеизъявлением всего народа, иначе говоря – референдумом.

Недаром нынешнему Хозяину одним из основных условий вступления в должность было вменено подписание Указа № 1763³ – старый лис прекрасно знал, что за это беспрецедентное ограбление, если не принять должных мер, спросят на полную катушку – никакие прежние заслуги не помогут!

В общем, ладно, не будем расклеивать ярлыки, пусть с этим разбираются соответствующие органы. Вернемся к тому, что, очень может быть, ловкие ребята никаких вредительских целей не ставили, а просто хотели как лучше.

Но получилось-то как всегда!

Смотрим итог, дни сегодняшние, результаты работы младореформаторов-затейников:

- сельское хозяйство уничтожено (не «практически», не «почти», а именно уничтожено, нет его!), промышленность благополучно испускает последние вздохи;

- экспорт созданного на территории страны продукта на нуле – мы уже давно не производим в массовом порядке ничего такого, что могло бы заинтересовать соседей;

- зато экспорт переработанного сырья на высшем уровне: стратегический ресурс рекой течет на запад. Река эта не безразмерна, есть вполне научно обоснованные факты, утверждающие, что довольно скоро она иссякнет. Интересно, что народ имеет от этого дела не просто ноль целых ноль десятых, а даже какие-то отрицательные цифры! То есть в минусах сидим, сырье наше качают, да с нас еще за это высчитывают. Подробнее об этом тремя абзацами ниже, сейчас – результат;

- страна на грани голодного бунта, на фоне пяти десятков миллиардеров и нескольких тысяч миллионеров мы имеем жуткое тотальное обнищание и перспективу стремительно надвигающегося экономического (и как следствие – государственного) коллапса.

Наша великая страна, по сути, превратилась в сырьевой придаток Запада, как и планировалось. Планировалось, естественно, не нами и не у нас, но это уже дело десятое, главное – результат.

Примечательно, что сами «насосы»-затейники, получившие в свое время доступ к богатствам недр, энергетическим запасам и вообще к сырью и ударно качающие все это из страны, даже и не думают скрывать свои дальнейшие намерения и ведут себя как заправские командированные старатели.

Они все имеют двойное гражданство, дети их живут и учатся «за бугром», там же находится практически вся собственность, туда же они качают через офшоры вырученные за наши ресурсы деньги, приобретая зарубежную недвижимость и производство. Реабилитация выработанных месторождений не ведется вообще, подступы к объектам загажены донельзя, там рядом не просто плохая экология, а без всяких прикрас – зона, опасная для жизни, мертвая земля. Если кто не верит, прокатитесь на вертолете над бескрайними просторами Тюмени, Сургута, Сибири и так далее – в тех местах, где функционируют добывающие предприятия.

Вывод: ребята в командировке. Все вычерпаем, завалим мусором, уедем домой, а как вы тут будете – это уже не наше дело.

³ Указ Президента РФ от 31 декабря 1999 г. № 1763 «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий и членам его семьи». Выдержка: «...Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, не может быть привлечен к уголовной или административной ответственности, задержан, арестован, подвергнут обыску, допросу либо личному досмотру. Неприкосновенность Президента распространяется на занимаемые им жилые и служебные помещения, используемые им транспортные средства, средства связи, принадлежащие ему документы и багаж, на его переписку...»

Понятное дело, что из всего вышеперечисленного власть больше всего беспокоит перспектива коллапса. Это самое неприятное, и главное – это уже не отдаленная перспектива, а где-то совсем близко. В общем, сложа руки сидеть нельзя, надо что-то делать, как-то выкручиваться, выходить, выправлять, восстанавливать...

А восстанавливать все неимоверно трудно (или просто невозможно), потому как де-факто страна отлучена от своих же собственных стратегических ресурсов! Это же какой жуткий парадокс: в мире повышается цена на нефть (нашу с вами нефть), нам, по идее, должно от этого быть лучше, но... У нас, вопреки логике, тут же повышаются цены на бензин, солярку, масло и, как следствие, на все остальное! Как тут не процитировать классика: «...это как же, вашу мать, извиняюсь, понимать?!...»

Поневоле напрашивается аналогия: ловкие люди взяли у вас с кухни, без вашего ведома, картошку, пожарили ее на вашей плите, на вашей сковородке, на вашем масле... И вам же продают по ресторанной цене. Скажете – глупости? А у нас с вами сейчас разве не так?!

Вопрос: вы, товарищ, у которого на кухне хозяйничают эти ловкие люди, – вы конченный идиот или совсем без рук – самостоятельно не можете себе картошку пожарить?!

Однако хватит рыдать, у нас не семинар по самобичеванию – пора четко сформулировать проблему и двигаться дальше.

Суть проблемы в том, что в настоящий момент по данному вопросу у нас имеет место совершенно тупиковая ситуация. Вроде бы все ясно: отменить приватизацию в отношении стратегических ресурсов, вернуть государству бывшую госсобственность (сплошь и рядом высокорентабельную и отторгнутую в свое время совершенно противозаконно, по антинародным, преступным, специально сработанным к случаю Указам) и приступить к плановому восстановлению разрушенного врагами народа общего хозяйства...

Ан нет, тут не все так просто. Думаете, глупые люди в верхах сидят, тупые, слепые и ничего не понимают?

Все видят, понимают... а сделать ничего не могут. Во-первых, правовое поле в порядке, все разбойные указы действуют по сей день и никто их отменить не в состоянии. Реквизировать все нахрапом нельзя, попробуй только тронь, весь цивилизованный мир дружным хором заорет: ратуйте, люди добрые, произвол, насилие, полнейшее беззаконие, тоталитарный режим и все такое прочее. И так ведь кивают все время: чего жалуетесь, у вас же не силком отняли, сами все раздали, да не чужим, а своим же!

Позиция цивилизованного мира (читай – наших западных «стратегических партнеров», США и Евросоюза) вполне понятна и заслуживает уважения. Говоря проще, без зауми и хитроплетений следует признать, что «партнерам» такое положение крайне выгодно: то, что у нас полнейшая разруха, бардак и что мы уже не грозная, некогда могучая империя, а всего лишь их сырьевой придаток.

Это крайне невыгодно нам, но нас с вами в данном случае никто не спрашивает. У нас демократия, мы всей душой хотим в ВТО и ЕС, «партнеры» дают нам деньги... в конце концов, они очень здорово наловчились этак запросто, по-свойски, давить на нас с позиции силы (мы не то чтобы слабее – это не совсем так, просто мы в стельку пьяны, жрем что попало, всего боимся и давным-давно не тренировались, поэтому повалить нас сейчас не может разве что самый ленивый).

По определению статуса можно спорить, но де-факто наши «насосы» – люди Запада, хотя бы уже лишь потому, что у них там дети, дом и деньги, а здесь у нас – всего лишь выработка, карьер.

Естественно, своих людей Запад будет защищать до последней капли крови и никогда не даст в обиду. А мы конфликтовать по этому поводу с Западом не станем ни в коем случае, у нас сейчас для этого совершенно нет ни позиций, ни возможностей.

В общем, этот аспект можно далее не рассматривать: думаю, понятно, почему в данном конкретном случае силовое решение вопроса, ставшее вполне традиционным для наших разухабистых органов правопорядка, тут не лезет ни в какие ворота. Это вам не Петю Удодова выгнать взащей с пивзавода при помощи судебных приставов, это совершенно другой уровень.

«Снизу», какими-то народными средствами (акции протеста, блокады-пикеты, саботаж или просто элементарное масштабное вредительство) – вообще бесполезно. Денег на свою охрану и оборону эти ребята не жалеют, их службы безопасности содержатся в образцовом состоянии и, без преувеличения, соответствуют самым высоким мировым стандартам.

Вот так и получается: сверху нельзя, снизу – никак. Непрístupная крепость. Цитадель. Окопались, зарылись, обставились, на пушечный выстрел не подойдешь.

Хоть стреляйся! До того обидно – жуть. Мы с вами сидим в своей квартире и молча наблюдаем, как ловкие ребята неторопливо и основательно все уносят – телевизор, холодильник, старенький компьютер, потерянный палас... глядишь, вот-вот кафельную плитку обдирать пристроятся. Можно орать в голос, изрыгать проклятия – кляп в рот никто не совал, но реально помешать этому процессу мы не в состоянии. Потому что нас с вами просто вычеркнули из этой жизни. Мы лишние. Мы – это весь совокупно взятый российский народ, кроме той малой его части, что трудится на предприятиях «насосов».

По большому счету, конечно, неплохо было бы, если бы мы все (кроме тех, кто трудится на этих самых предприятиях) в одночасье благополучно сдвинули лыжи. Тогда в нашем большом карьере ребятам было бы совсем привольно. А то сидим тут, толку от нас никакого, только ноем постоянно и смотрим завидующими взглядами...

Да уж... Картинка у нас получилась – ну просто полный пи... Нет, Пикассо тут ни при чем, скажем так: просто полный черный квадрат!

Однако не все так безнадежно, как кажется.

Если рассуждать категориями военных, непрístupных крепостей не бывает в принципе. Почти в каждой крепости, если как следует поискать, найдется какой-нибудь древний тоннель, заваленный камнями два-три столетия назад, или что-нибудь типа совершенно «левого» тайного лаза, о котором не подозревал ни один архитектор (какой-нибудь Конан-Вася прорыл его в незапамятные времена, чтобы без проблем шляться на свидание к любушке, проживающей за крепостной стеной). А если и нету таких замечательных лазов-тоннелей, это тоже не беда. Дело в том, что... Так, сейчас банальность скажу, но без этого – никак.

Дело в том, что крепости охраняют люди. Хи-хи... В последнее время, правда, такие хитрые крепости пошли, с электронными системами охраны, сложнейшей техникой, которая видит в темноте, улавливает малейшие колебания почвы, тончайшие вибрации и самые ничтожные изменения магнитных полей...

Но технику эту тоже настраивают и обслуживают люди. Сама по себе, автономно, она работать не может. Это только в фантастических фильмах всякие там «Скайнеты» мировые дебоши устраивают, а в реальности техника без человека – полный ноль.

Теперь – аксиома. В мире нет людей непогрешимых. У каждого человека, внешне безукоризненного и практически святого, если как следует за него взяться, рано или поздно обнаружится какой-нибудь изъян (а то и несколько). Главное – внимательно и терпеливо изучать объект своего исследования.

Далее. Следуя элементарной логике, эти загребушие «насосы» ведь не в безвоздушном пространстве существуют. Они тут, рядышком, на земле, хоть и за крепкими стенами закона безопасности и под прикрытием многочисленной прислуги.

И что характерно, они, мягко говоря, далеко не все на свете делают сами, своими руками.

На этих ребят (это грустно, но это факт!) пашет целая армия государевых и общественных людей, которых купили или намеренно поставили на нужные места. Высокие чиновники во всех известных учреждениях (а в первую очередь в силовых структурах и исполнительных

органах), многочисленные депутаты, отдельные представители прессы и целые концерны СМИ, и так далее и тому подобное – список просто огромный.

Если опять же выражаться языком военных, это все – наемники. То есть не кровные родственники или близкие, повязанные объективно-корпоративной мотивацией, а сторонние люди, которые за хорошие деньги действуют в ущерб своей стране.

Все вместе, в совокупности, эти наемники – монолитная армия, воюющая за деньги на стороне старателей-«насосов», и, надо признать, без всяких натяжек – грозная сила.

А каждый по отдельности?

Каждый представитель этой армии по отдельности – всего лишь слабый человек. Не имеющий и тысячной доли той защиты, которой окружены сами полководцы и их приближенные.

И пусть в глазах простых людей они – несокрушимая мафия, каждый из них всего лишь крохотная, легко заменяемая деталь государственной машины, которая (деталь) одновременно работает на враждебный агрегат, использующий те же ресурсы, что и сама эта машина.

Вот эти отдельно взятые наемники и есть основной контингент, с которым предстоит работать в ближайшее время. Если их как следует перелопатить, прошерстить, выбить наиболее злостных... То можно заставить «насосы» шевелиться. Пусть выйдут на стену своей неприступной цитадели, посмотрят, что это там неладное творится на поле битвы. Глядишь, для поправки ситуации откроют ворота, резерв выпустят на подмогу. А на плечах этой подмоги, если повезет, можно будет попробовать ворваться в неприступную крепость. Ну а не повезет, так хоть предместья захватим. Они потом в крепости, оставшись совсем без наемников, все съедят, выпьют и сами сдадутся. Хе-хе...

А кто будет этим заниматься? Все на местах – та самая мафия, только уровни разные (снизу вверх, вертикаль, и по диагонали!). У Хозяина, как это ни парадоксально звучит, нет инструмента для такого рода работы. Нет команды единомышленников, которой можно было бы доверить такой щекотливый вопрос.

Вот поэтому нужны проверенные люди, но... как бы со стороны. Чтобы они были по всем параметрам вне. Вне игры, вне гильдий, вообще вне сложившегося у нас за последнее десятилетие коррумпированного уклада.

А чтобы никто не совал палки в колеса, нужна вполне дееспособная и приличная легенда, которая била бы по всем пунктам.

Завершая презентацию, следует отметить: Витя на центральном театре военных действий появился очень вовремя и с полным боекомплектom. У него была команда и легенда – с пылу, с жару, вовсе не натянутая откуда-то, а вполне рабочая.

Товарищи, осведомленные по этой части, могут скептически поджать губы: ну-ну, порезвитесь, хлопцы, потешьте себя... У нас же как: легендируйся, сколько влезет, все равно очень скоро узнают, почем за рыбу деньги, запрут на семь замков и будут от тебя хорониться.

В этом плане команде было проще. Все прекрасно знали, чем она занималась до недавнего времени, и потому по новым задачам вопросов ни у кого не возникло.

Задачи Комиссии – а, как следствие, и Исполкома – декларативно (и псевдосекретно, чтобы придать жизнедеятельности команды нормальный служебный флер) были сформулированы предельно отчетливо и закономерно вытекали из всей предыдущей деятельности команды.

А именно: тотальная проверка чиновников государственных структур на предмет пособничества террористам и преступным этническим сообществам.

Согласитесь, в сообщительности Вите не откажешь. В этом случае состав Исполкома вполне оправдан и ни у кого не вызывает никаких нареканий. И потому (это уже не предположение – это трехмесячная практика показала) никто не боится и не «гасится».

Оставалось только работать и показывать результат...

* * *

Ну что, самое время вернуться к нашим... эмм... «силовикам».

Женя Петрушин и Вася Крюков, как уже говорилось, живут «на выносе» – на территории учебного центра в Подмоскowie. И не просто живут, а очень активно функционируют: воспитывают три отделения физзащиты. В каждом отделении по семь человек.

Вообще-то, на стадии планирования, при определении профиля служебных задач отдела физзащиты, речь шла о примерно вот таком соотношении: десять процентов – силовое сопровождение, все остальное (девяносто процентов) – оперативная работа. То есть подобрать следовало неприметных товарищей средних кондиций, с опытом работы в органах.

Увы, увы – всем было как-то недосуг, и подбор осуществляли Женя с Васей. Хе-хе...

Отбирали среди своих, про органы даже и не вспомнили. В результате и в самом деле ребяташек набрали внешне вполне средних кондиций (спасибо Петрушину, не приволок гренадеров под стать себе), но... они все, как один, были родом из разведки и спецназа!

– Ну, удружили... – сказал Иванов, ознакомившись с личными делами вновь принятых бойцов. – Хотя бы одного бывшего опера для приличия взяли!

– Зато мы их всех знаем, – парировал Петрушин. – Эти не сдадут и не подставят. А обучить можно чему угодно, это не проблема...

В общем, ребята третий месяц живут «на казарме»: днем лекции и практические занятия от лучших оперов-отставников (лично Витя расстарался), штудируют законодательство, кодексы и прочие документы, а вечером и отчасти ночью Женя с Васей по старой памяти дрючат всех по части специальной тактики. Никто, правда, не просил, но это так – чем бы дитя не маялось...

Спят по шесть часов, нагрузка весьма приличная, дома бывают два раза на неделе – в выходные. А поскольку острых акций (да и просто каких бы то ни было акций вообще) в обозримом будущем не предвидится, люди воспринимают свою жизнь как отработку тривиальной учебной программы и параметры задач этой программы с легкостью переносят на окружающий мир.

Результат такого образа жизни налицо: как раз по этому поводу Петрушин сегодня и сидит в кабинете у Иванова.

Рядом с учебной базой располагается райцентр Вознесеновка. Райцентр – это только звучит весомо, на самом деле там поселок на три тысячи жителей: бывший колхоз, поля, церквушка, население, согласно древней традиции, активно пьянствует и помаленьку что-то выращивает.

Вася Крюков – ревностный блюститель военной диеты (диета такая: едим все, что увидим, а если темно, едим все, что унюхаем и нащупаем) – быстро разобрался в окружающей обстановке и повадился шастать в поселок за молоком. Алюминиевый термос «десятка», три километра по относительно ровной дороге, минных полей нет, не стреляет в тебя никто, ползать не надо – короче, сплошная лепота!

Может, тут не только в молоке дело: Петрушин говорил, что где-то там рядом с бабкой некая симпатичная дивчина проживает... Но суть не в этом – началось-то все как раз с молока.

В общем, пришел Вася в очередной раз за молочком, а бабка возьми да и пожалуйся бравому военному: вот, мол, беда какая – обообрали до нитки, супостаты бессердечные!

– В хату залезли, что ли? – Вася быстренько осмотрелся: следов вторжения вроде незаметно, все чистенько и опрятно.

Нет, оказывается, – не в хату. В душу залезли! Без спросу и в грязных сапогах.

Оказывается, в поселке с месяц назад открыли зал игровых автоматов. Бабкин внучок, развитой оболтус пятнадцати лет, быстренько просадил в этом зале какие-то свои личные сбе-

режения (три года на мопед копил), но этим не ограничился. Движимый жадой реванша, ловко спер у бабки «гробовые» – десять тысяч рублей... Но, как и следовало ожидать, ничего не отыграл – все деньги достались «однорукому бандиту».

Ну, городским товарищам, может быть, это покажется смешным... А для традиционно нищих сельчан потеря таких денег – огромное горе.

Бабулька в слезах бросилась к участковому: обороните от грабителей, верните кровные! Участковый, усмехаясь в пшеничные усы, спросил: а что, внука туда кто-то силком тащил? Если не силком – извините, ничего поделать не можем. Все по закону, никаких нарушений. Можешь, конечно, обращаться вверх по инстанции, но только зря время и нервы потратишь, поверь на слово...

– Внуку сколько?

– Да только пятнадцать исполнилось.

– Ну, это не проблема, – заверил бабульку юридически подкованный Вася (недаром три месяца кряду кодексы штудировал!). – Это как два пальца... эмм... Короче, сейчас разберусь. Ждите.

И направился в отдел милиции. Так с термосом и пошел.

В отделе говорит: поправьте этого вашего игрового коммерса, ему тут жить, зачем на ровном месте неприятности зарабатывать? Мальчишка несовершеннолетний, играть по закону нельзя. С его карманными, ладно – черт с ними, а бабкины пусть отдадут. А то ведь нехорошо может получиться!

Хлопцы в отделе посмотрели на Васю, как на сумасшедшего, переглянулись и дружно послали его в разные известные места. Не потому, что мелкий, а ввиду статуса. Ты, вообще, чего тут забыл, военный? Иди во все эти самые места и воюй себе, Родину защищай. А советовать нам тут нечего, а то ведь, это, с тобой может нехорошо получиться.

Вася, надо отдать ему должное, не стал вдаваться в полемику, чреватую стрельбой по площадям, а просто тихо вышел. Ну и фиг с вами. Тут, помимо вас, еще служивые люди есть.

И направился напрямик к главе администрации (типа, мэру). Там все рядом, на одной площади.

Глава, однако, проявил политическую близорукость: на Васину дружескую критику в адрес недобросовестных коммерсантов и «якобы» покрывающих их правоохранительных органов отреагировал болезненно, не в тему разорался – так, что забрызгал слюной портрет Президента, и в конечном итоге вызвал милицию.

Васю взяли. Ну вот, допрыгался, военный. Тебя же предупреждали – иди, и не просто иди...

Посадили военного под замок, термос с молоком отняли, а обыскать не удосужились. Ничего себе, разбаловались хлопцы на вольных деревенских хлебах! Это как же надо деградировать, чтобы при «приеме» офицера войсковой разведки не обыскать его?

Вася дождался, когда все стихнет, и передал по рации Петрушину – дословно:

– Повязали. Сижу в ИВС. Молоко забрали, скоты! Прими меры...

Охранник в коридоре это дело услышал, рацию отняли... Но было уже поздно. Раньше надо было головой думать.

Минут через сорок в поселке Вознесеновка Московской губернии как-то сам собой, тихо, бескровно и очень естественно, случился тривиальный государственный переворот...

Да, вот до сего момента – это было со слов Петрушина и Васи, а все, что далее, Иванов сам видел, своими глазами.

Однако давайте по порядку.

Утречком в штаб-квартиру подъехал Петрушин, привез на подпись документы и доложил о ситуации. Иванов машинально подмахнул заявки на продовольствие и матбазу, вполуха слушая доклад Петрушина, добрался до первого протокола допроса, пробежал его глазами... Тут

он понял, о чем рассказывает начальник отдела физической защиты, и волосы у него встали дыбом. Да и на голове тоже.

За ночь Петрушин провел следствие по своей индивидуальной методике (те, кто с Петрушиным знаком, сейчас, наверное, глумливо хмыкнули). И знаете, как ни странно, все добровольно признались. Хором. В чем? Ой, да чего там только не было!

В общем, мафия там у них. Зал игровых автоматов, оказывается, на пару держат сын главы и зять начальника отдела. Но это только начало, это строго по существу дела. А дальше раскол пошел по всем пунктам, включая события пятилетней давности. Махинации с «социальными» деньгами, подпольный спиртзавод (теперь понятно, куда у них уходит все зерно и свекла), незаконная продажа цыганским наркобаронам не принадлежащего поселку брошенного городка воинской части, хищническая вырубка реликтового леса в заповедной зоне, незаконная продажа государственной земли возле водохранилища богатеньким дачникам, сановное браконьерство на том же водохранилище... и еще двадцать пять пунктов примерно в том же ключе. В общем, нормальный набор должностных злоупотреблений, присущий всем без исключения административным образованиям. В принципе можно либо расстреливать без суда и следствия, либо привычно махнуть рукой – чего уж теперь, у нас ведь все так делают...

– А это что такое? – Иванов добрался до заключения экспертизы ДНК.

– Ну, это липовое, – Петрушин смущенно зарделся. – Оперов-преподов попросили, они состряпали. Но сами поймите – где я ночью возьму эксперта?

Оказывается, Вася сказал, что глава администрации в его присутствии оплевал портрет президента. Теперь, ко всему прочему, главе инкриминировали оскорбление символов государственной власти действием. И за это его, как и всех остальных районных чиновников, за прочие гадости, по совокупности, надлежало расстрелять до исхода текущих суток. Вот постановление, извольте ознакомиться и подписать. Да, еще неплохо было бы комитетскую печать поставить – для большей солидности...

Постановление было выполнено в соответствии со всеми требованиями штабной культуры, на фирменном комитетском бланке (Петрушин с Васей заявки на продовольствие, боеприпасы и матбазу на них печатают).

– Жень...

– Да, Сергей Петрович?

– Ты совсем навернулся, друг мой?

– Так шутка же! – Петрушин лучезарно разубался. – Это ж в плане профилактики. Пусть со страху упишутся – урок будет. Да вы не волнуйтесь, там все тип-топ. От вас нужны только печать и подпись...

Иванов ничего подписывать не стал, печать ставить – тем более, прихватил с собой Костю Воронцова и экстренно выдвинулся с Петрушиным к месту событий.

Вознесеновка как будто вымерла. Все коммуникации отрезаны, на подступах к поселку – вооруженные бойцы физзащиты, всех заворачивают: карантинные мероприятия, типа. Улицы пусты – жители по домам, мобильная связь изъята...

– А что ж вы так – не доработали? – скорбно пошутил Иванов, имея в виду новостройку справа от южного въезда в поселок: там этак резвенько сновали товарищи в оранжевых спецовках, весело журчал экскаватор, ворожающий упаковки кирпичей...

– Да это свои, – махнул рукой Петрушин. – Это сын главы и зять тутошнего главмента бабушке-молочнице дом строят. С шести утра затеялись. Добрейшей души товарищи! Благотворительность, типа. Смотрят – у бабушки халупа вот-вот развалится, ну и давай...

– Ой-е-е... – озабоченно пробормотал Иванов. – Вот это вы тут устроили...

Арсенал милиции был опечатан и взят под охрану, у правления, почты и отделения МДС-банка стояли парные посты. Рядовые сотрудники провели ночь в поселковом ДК, все руководство сидело в подвале РОВД. За дежурного по райотделу – препод по оперативно-розыскному

делу, опер в отставке, в меру пьян, но все как надо, на звонки отвечает, руководство на территории и так далее!

– Ну ни фиги себе... – машинально отметил Иванов, глянув на часы. – Райцентр сутки как захвачен не пойми кем, по сути, тут у них натуральный государственный переворот... А никто даже и не почесался!

На двери кабинета начальника РОВД висела свежая табличка (трафарет, бронзовые буквы – как на остальных дверях, и уже под стеклом! Только больше в два раза – букв больно много): «Трибунал Исполнительного Комитета Государственной Комиссии по борьбе с коррупцией».

– Ну, это так, чтобы прониклись... – смущенно пояснил Петрушин, заметив нездоровый блеск в глазах командира. – Вы не думайте, они все правильно поняли...

Иванов достал руководство из подвала, предъявил полномочия, пообщался.

Более других пострадал глава администрации. Он ползал на коленях вокруг Иванова, все норовил облобызывать его ботинок и, подвывая наподобие калифорнийского шакала, блажил:

– Мой рот... Мой рот... О-о-о, мой рот!!!

Петрушин, не удержавшись, крепко пнул его в задницу, и глава тотчас же родил нечто вразумительное:

– Все не так! Я старый партиец!! Товарищ неправильно понял!!!

– Да вы успокойтесь, – посоветовал Иванов, отметив направление взгляда главы и опасливо пряча ноги под стол. – Товарищи у нас понятливые, так что...

– Нет!!! – взвизгнул глава, опять бросаясь на пол и устремляясь к ботинкам Иванова. – Я не плевал, не плевал я! Просто мой рот оказался рядом с портретом, поэтому капельки слюны... Мой рот!!!

Остальные начальники пребывали в полуобморочном состоянии, просили пощады и дружно раскаивались.

– Удивительное дело, – с тяжелым сердцем отметил Иванов. – Людям хватило одной ночи, чтобы поверить, что вернулись времена репрессий...

Потом Иванов пообщался с массовиками-затейниками – Петрушиным и Васей – и популярно объяснил им, что они натворили. Вдаваться в подробности не будем, это долго и надоедно (Иванов таки дал волю эмоциям, высказал подчиненным все, что о них думает.)

Просто подведем итог: в райцентре Московской области, в двадцати километрах от столицы нашей Родины, группа военных лиходеев при одобрительном попустительстве местного населения произвела насильственный захват власти (Статья 278 УК РФ), незаконно водворила под стражу государственных чиновников и сотрудников правоохранительных органов (Статья 301 УК РФ), да не просто водворила, а с применением насилия (Статья 318), в изуверской форме принудила их к даче показаний (Статья 302 УК РФ) и, узурпировав функции судебных органов, вынесла заведомо неправосудный приговор (Статья 305 УК РФ). Намерения по исполнению, надо признать, отсутствовали, однако...

– Вы, хлопцы, хреново кодексы штудировали, – заметил по этому поводу Костя. – За ваши чудачества, по совокупности, каждому минимум по двадцать годков светит...

Резюме по делу: Петрушин и Вася попросту отбились от рук. Будучи в курсе основной задачи комиссии в целом и Исполкома, в частности, вообразили о себе черт знает что!

Затем Иванов с Костей – мастером развязывать психологические узлы разной степени запутанности – разруливали ситуацию и аккуратно сдавали назад. В завершение Костя с наибольшими начальниками поработал индивидуально, чтобы закрепить результат.

Сдали, закрепили, все вроде бы пристроены как надо. И Петрушин с Васей за сутки разбирательств по уши прониклись (теперь десять раз подумают, прежде чем что-то захватывать), и местные власти уверены, что от справедливого гнева сурового закона их спасло лишь чудо: напоролись на добрых человеческих товарищей...

Сейчас Петрушин привез заявки от властей Вознесеновки: никаких претензий, обязуются на будущее и так далее. И коллективная просьба: не сообщать в УСБ и губернатору об этом маленьком инциденте...

– Вам жутко повезло, – завершая аудиенцию с Петрушиным, заметил Иванов. – Косте в ноги падайте, спас. Не знаю, чем будете расплачиваться, но факт: людей сутки держали в подвале, обращались, как со скотом, а потом они же сами и просят...

– Да, Константин у нас – уникал, – согласился Петрушин и, уже прикрывая за собой дверь, глубокомысленно буркнул: – Однако это еще вопрос, кому повезло – нам или вознесеновским...

– Ой-е-е... – Иванов от огорчения чуть не прослезился. – И в кого же вы у меня такие тугие...

– Разрешите?! – В дверь тут же просунулся Костя, за которым маячила угрюмая физиономия товарища Ростовского.

– Заходите. – Иванов тяжело вздохнул и счел нужным сразу расставить акценты: – Предупреждаю, Константин: у меня было суровое утро...

– И...?

– Если это очередная бредовая идея насчет борьбы с коррупцией – давай завтра. Сегодня я что-то того... Не готов, в общем.

– Да фиг с ней, с коррупцией! – Костя, шурясь, как кот, оставшийся наедине с банкой сметаны, простер обе руки в направлении Ростовского, не решавшегося пройти дальше порога. – Вы на это посмотрите!

– На это?

– Да, на это. Это что, по-вашему?

– Костя, ты знаешь, я товарищ терпеливый. Однако...

– Сергей Петрович, это не просто индивид. – Костя, верно оценив состояние начальника, не стал испытывать его терпение и перешел к делу: – Это тот самый подземный ход, о котором не знает даже архитектор.

– ???

– Нет, ход – это как-то убого. Это... Это туннель.

– Туннель куда?

– В самую главную крепость. В цитадель. Такой туннель, по которому мы заедем туда всем полком! С полевыми кухнями и тяжелой артиллерией...

Глава 3

На ближних подступах

Костя Воронцов. Мечты и перспективы.

Мечта детства... Или так: главная мечта моего детства... Произносится, как правило, с придыханием, глаза в кучу, вверх – влево. На лице задумчивое выражение, во взгляде дымка, у особо трепетных особ в уголках глаз проступают слезинки...

Знакомое понятие? Нет, ясно, что знакомое, просто надо уточнить кое-что.

Дело в том, что сейчас мы все люди взрослые, детство было давно, и теперешние наши мечты напрочь лишены волшебного флера детского романтизма, основанного на элементарно наивном восприятии окружающего мира, такого доброго, отзывчивого и многообещающего в те счастливые первые годы нашего в нем пребывания...

Взрослые мечты, как правило, понятны и строго логически обоснованы. Они наполнены глубоким практическим смыслом и проистекают из отсутствия того или иного средства удовлетворения жизненных потребностей.

Взрослые мечты, по большей части, просты как три копейки. Если нет денег – найти миллион баксов. В какой-нибудь потертой кожаной сумке, на запыленном чердаке, в углу... Открываешь, а там... Е-мое!!! Вот так ничего себе, привалило! Да и желательно – разными купюрами и не в банковской упаковке. Так безопаснее.

Впрочем, не обязательно в сумке и мирно, бывают некие творческие подвывихи. Есть у меня друг – Вадим Жуков, тоже военный и тоже нищий, за двадцать пять лет безупречного служения Родине заработал двенадцатиметровую комнату в офицерской общаге на семью в четыре лица. Вот он как-то под откровение (да просто мертвецки пьян был, чего уж тут!) поделился со мной своим вариантом заветной мечты. Надо сказать, что Жуков заядлый охотник: в те годы, когда Родина еще сносно платила своим защитникам и не нужно было по ночам подрабатывать охраной пельменной фабрики, он мог сутками слоняться по лесам и полям с ружьем за плечами. Отсюда, видимо, и вариант.

Заветная мечта у Жукова была такая: напороться в лесу на пару джипов, с теплыми трупами вокруг, числом под дюжину... И пусть в одном джипе лежит чемодан с героином, а во втором – рюкзак с десятью миллионами баксов. Типа, хлопцы меняться приехали и чего-то не поделили. И – тишина...

Да, насчет теплых трупов – это обязательное уточнение. Это значит свежие и не пахнут. Потому что на те, что несвежие, Жуков за свою военную жизнь насмотрелся – на десятерых хватит. И вовсе без джипов и баксов.

В общем, поделился мечтой. А потом, глядя сквозь меня печальным взором, уточнил:

– Хотя, в принципе... Необязательно, чтобы все – трупы. Пусть даже кто-то там агонирует, это не проблема. Я с собой всегда запас патронов с картечью ношу...

В общем, мечты взрослых примерно одинаковы и логически опосредованы. Проще говоря, чего нет, того больше всего и хочется. Если есть деньги, здоровье надо. Если есть деньги и здоровье, неплохо было бы поправить общественное положение. Пусть все кланяются и шляпы снимают (только свои шляпы, а не со случайных прохожих). А у девушек при встрече пусть расширяются зрачки, заметно влажнеют и наливаются кровью губы и непроизвольно раздвигаются колени. Вот это мужчина!

Ну а если есть все, то непременно хочется два раза по все и чтобы у соседа отняли хотя бы половину...

Мечта детства – это явление совершенно иного порядка. Ее не следует путать с сиюминутными потребностями и драйвами: типа, ведра мороженого, тазика пирожков, рюкзака

с шоколадками. Ее нельзя ставить на одну доску с типичными детскими декларациями для взрослых. У моего сына мечта: стать космонавтом! Варианты: летчиком, полярником, капитаном дальнего плавания. Ближе к нашей эпохе: банкиром, адвокатом, нефтепромышленником, директором мясокомбината, криминальным авторитетом...

Это все декларация: чтоб тупые взрослые отстали и не лезли со всякими глупостями.

Мечта детства – это квинтэссенция душевной целеустремленности маленького человечка. Это то, что кажется панацеей от всех бед окружающего мира, универсальным средством решения любых проблем. Вот сбудется – и все, мир станет иным!

Мечтой детства, кстати, в самом детстве никто не делится. Это табу. Потому что это всегда стыдно, неприлично и идет вразрез с морально-этическими нормами окружающего мира. Товарищ Фрейд, например, утверждает, что у любого ребенка без патологии нормальная мечта детства... гхм-кхм... (прошу прощения, это не мое, это все старикашка Зигмунд!)... Короче, мечта такая: отыметь маму и заколбасить папу. Типа, чтобы не мешал иметь маму, гад. То есть, если такой мечты в детстве нет, это уже отклонение.

Вы можете смеяться, но на данной конструкции строится весь этот модный западный психоанализ.

Так вот, мечтой детства обычно делятся с громаднейшими потугами, как правило, глубоко в зрелом возрасте или в пограничном состоянии, и обязательно только с очень близкими людьми. Типа, с палачом, психиатром, врачом-наркологом или личным психологом. Скажу больше: для психолога такой дележ – огромная профессиональная удача. Потому что «мечта детства» (если только это не очередная декларация родом из детства) – очень яркий характеризующий штрих в психологическом портрете человека, который во многом определяет его совокупный поведенческий комплекс на протяжении всей жизни.

Например, Вася Крюков признался мне, что главная мечта его детства была такая: чтобы вся тайга вокруг их поселка, в обозримой видимости, выгорела дотла!

Для городских товарищей объясняю: самое страшное для таежных жителей – это не медведь-шатун или банда луноликих хунхузов (в Васиных краях их полно), а элементарный лесной пожар.

Я сопоставил факты, проанализировал Васю с ног до головы – знаете, на декларацию вроде не похоже. Вася родился и вырос в семье потомственных звероловов. Каждое третье выражение в обиходе у них связано с тайгой: тайга-матушка, тайга-кормилица и так далее. Казалось, откуда бы такое изуверское желание? Да все просто. Взрослые сызмальства таскали Васю с собой на промысел. По его словам, тайга у них такая, что мимо тропы шагу без топора не ступишь: густейший подлесок, упавшие деревья, пни-коряги, сплошной бурелом. А звероловы сплошь и рядом шарахались по этому самому бурелому (тропу, типа того, нельзя пересекать, зверь почует враз!).

В общем, во все эти таежные хитросплетения я не вдавался, но легко мог себе представить, как плохо там было маленькому Васе – рядом со взрослыми звероловами, с их длинными ногами, широченным шагом и огромным следопытским опытом. Наверное, пока подросток сто раз проклял и тайгу, и промысел. Так что мечта выглядела на все сто.

– Все выгорит, будет ровное поле, вместо бурелома – головешки. И зверье за версту видно. Беги да лови.

– Зверье? А как оно в пожаре выживет?

– Ну... Знаешь, тогда я как-то об этом не думал...

Примечательно, что Вася, взрослый майор и грозный ночной воин, рассказывал мне все это шепотом и озираясь и при этом взял с меня клятву, что я никому не проговорюсь об этой кошунственной для чалдона мечте.

Теперь пара слов о моей личной мечте детства. Я тоже вам это по секрету расскажу, только чур – без передачи моему начальству. А то ведь уволят к известной маме (а книг они

не читают – некогда). Да, прошу не думать, что это притянута за уши в угоду контексту. Мечта такая на самом деле была... и уверен, не у меня одного! Почему я так в этом уверен, будет понятно буквально через пять минут.

Так вот, по поводу мечты... Нет-нет, на папу с мамой я, конечно, малость косился (все по Фрейду, никакой патологии), но это мелочь. Это не главное. Да, перед объявлением хочу напомнить: все это в детстве, очень давно... а сейчас я чистый и светлый.

Моя мечта детства – массовые публичные казни.

Читать я научился очень рано. И к моменту, когда в моей жизни прозвучал первый звонок, прочел столько, что иному военному за всю жизнь не прочесть. Особенно в этом плане меня впечатлил «Петр Первый» А.Н.Толстого. Вспомните-ка: плахи, топоры, три сотни стрельцов, безропотными колоннами идущие на казнь. Онемевшая от ужаса публика, с разинутыми ртами, кругом кровища, отрубленные головы... А палачи? Верховные бояре и самые близкие к царю люди, гвардия императора Петра, который, по замыслу «красного графа», видится нам, в общем-то, симпатичным и прогрессивным товарищем...

Будучи ребенком, я был поставлен перед жуткой дилеммой: чью сторону выбрать?! Поборников бунтовщицы Софьи, олицетворявшей мракобесие и средневековую темень, или царя Петра, представленного этаким локомотивом истории, преобразователем и реформатором... но с замашками палача и руками по локоть в крови. Представьте, каково это было в шесть лет!

Выбрал, естественно, Петра. Скрепя сердце. Впрочем, приговоренных стрельцов было до слез жаль (а их ведь еще и пытали перед этим, и не понарошку). По сути, хлопцы были рядовыми солдатами проигравшей армии и пострадали ни за что. Не тем, ох, не тем надо было головы рубить!

В общем, к тому моменту, когда в жизни моей грянуло самое первое сентября, я уже давно и отчетливо понимал, что окружающий мир состоит не только из добрых людей. В нем, увы, было полно как просто мерзавцев разного калибра, так и совершенно конченных негодяев. Это и участковый, отнявший у моей живущей в деревне бабки самогонный аппарат с тем, чтобы поставить его в своем сарае и гнать самогон для себя (двуличная сволочь!), и кривой плешивый начальник папы, не дающий ему повышение из зависти к его молодости, и соседи, воровавшие у нас варенье из кладовки в подвале, и живодееры, отлавливавшие наших блохастых четвероногих друзей, и все уличные хулиганы из прибалтненной шпанки, обиравшие детей, и еще целый ряд мрачных личностей. Список негодяев был просто огромный.

Вот к этим гражданам, в отличие от стрельцов, у меня жалости не было совершенно. Их следовало как можно быстрее собрать в кучу, построить в колонну по три и вывести на публичную экзекуцию. А начинать, безусловно, следовало с физика! (В первом классе физики еще не было, но физик в школе был, и был он вездесущ и всевидящ.) Этот страшный негодяй выслеживал малолетних курильщиков в туалете, отлавливал их и с особым цинизмом заставлял убирать мусор и мыть полы. Гад!

Впрочем, совсем уж кровожадным я не был. В моей мечте отрубленные головы отсутствовали, а факт умерщвления хоть и витал, но как-то расплывчато и бесформенно, просто по аналогии с казнью стрельцов. А мне вполне достало бы самой атмосферы массовых репрессий. Набатный звон, многочисленная публика с транспарантами (типа, «мочи физика!»), разноцветными воздушными шариками и бесплатно розданным мороженым, пахнущие смолой виселицы из свежеструганых брусьев, плечистые, по пояс голые палачи в колпаках из красного атласа, тускловатые отблески наточенной стали... И обязательно: колонны онемевших от ужаса негодяев, бредущих на эшафот. С отчетливым пониманием неотвратимости наказания и безысходностью в затравленном взгляде...

Ну что, довольно? По-моему, самое время прекратить словоблудие и перейти к сути. Я ведь вам не просто так все это наплел, от нечего делать, а чтобы четко обосновать морально-психологическое состояние нашего небольшого коллектива и его общий настрой на работу.

У меня профессия такая, ковыряться в человеческих душах и выворачивать их наизнанку. И потому, когда команду в полном составе перевели на новый участок работы (новое направление, новый виток жизни) и отчетливо сформулировали задачи, я, как обычно, проанализировал реакцию на это дело моих боевых товарищей и задался вопросом... А не по этому ли признаку ловкий Витя собрал нас всех до кучи?

Следует заметить: до этого момента я думал, что моя мечта детства – явление не просто нездоровое, но и в своем роде уникальное.

Товарищи, все без исключения, отреагировали однообразно. Даже Вася с его выжженной тайгой! (Неужели навешал мне декларацию? А казался, гаденыш, таким искренним)...

Вот вам реакция: пронзительный взгляд-вопрос – неужто правда?! Это не шутка?! А потом, после уточнения, длительный немой восторг (тишина в зале) и фанатичный блеск в глазах: ну все, теперь держись, враг! Будем брать косяками и пачками сажать навсегда – пока мораторий. Ух, как мы вас всех!!!

Короче, сбылась мечта идиота...

Потом, после первых восторгов, мы вдумчиво проанализировали ситуацию, коллегиально обсудили это дело и разложили все по полочкам. Люди все опытные, жизнью кусанные и битые не раз, никто уже давненько не смотрит на мир сквозь розовые очки. В принципе все понятно: большие люди опять собираются загребать жар нашими руками. Поправка: на этот раз – очень большие. Больше просто некуда.

Понятно также, что речь, по сути (если ориентироваться на сверхзадачу), идет о тривиальном переделе собственности. Причем в данном случае государство нам виделось в роли такого тупого загребущего хуторянина. Сначала – нате пользуйтесь, на фиг нам оно... Ан нет, оно, оказывается, жутко полезное и без него, если разобраться, вообще никак! А ну вертай все взад!

Согласитесь, хуторянин выглядит полным уродом: роль весьма и весьма неприглядная.

Однако для нас всех данная ситуация совсем не нова. Мы все это уже проходили, и не раз. Это ведь не мы начали все те войны, на которых прошла большая часть жизни каждого из нас. Мы не рвались в командировки, не обивали пороги: пустите пострелять! Родина сказала надо – и вперед.

Короче, последние пятнадцать лет мы все как раз тем и занимались, что голыми руками разгребали пожары, устроенные нерадивыми большими дядями. Выглядели дяди при этом ничуть не лучше того тупого хуторянина, а местами даже на порядок хуже: на совести хуторянина, по крайней мере, не было горы трупов.

И ничего, никто не пищал. Просто работа такая: служить Отечеству.

И вполне естественно, что теперь, когда возникла вдруг такая великолепная возможность – взять за жабры окопавшихся в тылу жирных гадов, которые за большие деньги (ей-богу – это без пафоса, чисто от души!) предадут интересы своего народа, – никто из нас даже и не подумал роптать. Более того, огромное спасибо Вите и провидению (заметили: рядом поставил, явления чуть ли ни одного разряда), что нам при жизни выпала такая честь. Опять оговорюсь: это все без пафоса, искренне, от души. О таком мечтает каждый маленький человек в форме: в окопах, на заставах, на блокпостах, в покосившихся офицерских общагах и забытых богом дальних гарнизонах. Это, пожалуй, сродни мечте моего детства.

Теперь добавлю, для большего понимания ситуации: мы все, за исключением Сереги Кочергина, выходцы из низов. Иванов, правда, из семейства потомственных контрразведчиков, но в наше время это вполне эквивалентно рабоче-крестьянскому происхождению.

Сергея – особый случай. Выпускник МГИМО, медалист, вундеркинд и все такое прочее – и представитель семьи высшего столичного света... у которой не так давно все отняли ловкие чабаны под покровительством наших больших чиновников. И не просто отняли, а еще и надругались как хотели...

Все, далее живописать настрой команды нет смысла. Думаю, и так понятно, какие светлые чувства мы питаем к контингенту, который с недавних пор входит в орбиту наших интересов. Мы тут ходим и с утра до вечера слюни пускаем: вот уж погодите, скоро период предварительных ласк завершится, и дело дойдет до страстной любви... Ух, как же мы вас будем любить! Во всех мыслимых позициях, с полной отдачей и безо всякой контрацепции. Ожидайте!

Ну а если вдруг повезет через вас как-то ненароком до «насосов» добраться... Гхм-кхм... Это вообще будет сплошной перманентный оргазм...

* * *

Так, о мечтах детства, чувствах и настрое коллектива рассказал. До глубокой любви еще далеко, остановимся пока на периоде, характеризующемся как «предварительные ласки».

Ну что, если отбросить эйфорию и личные эмоции каждого, следует признать: до недавнего времени у нас не было ничего толкового и хоть сколько-нибудь полезного.

Докладываю, чем мы занимались и каких результатов достигли за три месяца функционирования в ипостаси борцов с коррупцией. Если кому-то покажется, что перегружаю повествование деталями, извините: просто хочу, чтобы было понятно, с чем нам пришлось столкнуться в начале работы.

Мимоходом замечу: живу давно, но только в этом году отчетливо понял, как счастливы люди, которые могут внятно ответить на два извечных русских вопроса («кто виноват?» и «что делать?»).

Хорошо бизнесмену на Руси. Купил рыбу в Астрахани, привез в Москву, продал – гуляй себе. Нет, понятно, что там масса своих нюансов: опасности дороги, вредные ребята из разных государственных органов и местных ОПГ, капризы рынка и перепады температуры... Но самое главное – бизнесмен твердо знает, что делать. Взять товар в одном месте, где подешевле, перевезти в другое – где подороже, по ходу дела дать денег разным типам, чтобы не мешали, потом продать. Все!

Хорошо охранникам. Вот склад, следи, чтобы никто не залез. Больше ничего делать не надо, уследишь – и никто не будет виноват.

Хорошо товарищу в оранжевой спецовке. Вот лопата, вот куча. Да, тяжело, жарко, платят мало... Но голову ломать не надо. Бери больше, кидай дальше, пока летит – отдыхай.

Даже оперу на «земле» хорошо (а это традиционно одна из самых неблагодарных и тяжелых должностей в системе правоохранительных органов). Если опер не конченный лентяй, он в полном объеме владеет обстановкой и без особых проблем может немного заработать на жизнь и одновременно давать план. То есть он точно знает, кто виноват в противоправных деяниях, произошедших на его «земле», и кого из этих виноватых можно взять за кадык в свою пользу, а кого просто сдать по протоколу – в интересах все того же пресловутого плана.

Насчет опера – это не от фонаря, я долго и вдумчиво беседовал с однополчанином, который с 1993 года трудился как раз в данной системе и все это пропустил через себя. Он мне такого понарасказывал – волосы дыбом встают, и на голове тоже!

Впрочем, к этому загадочному однополчанину мы обязательно вернемся чуть позже, давайте пока о результатах.

Итак, всем хорошо, кроме нас. Нет, задачи были сформулированы – вы в курсе... Но с какого конца к ним подступиться, мы абсолютно не имели понятия.

– Собрали в кучу столько всякой дряни... Абсолютно непонятно, с чего тут можно начать...

Вот так сказал Иванов две недели назад. Это уже после трех месяцев неустанной добычи информации и скрупулезной аналитической работы. Это Иванов – признанный гений оперативного мышления, голова и вождь всей банды!

Не буду разбрасываться витиеватыми аллегориями, скажу проще: на старте у нас в информативном плане был полный ноль. Ни примерной методики (ну-ка, вспомните, кто у нас за последние триста лет системно и хоть сколько-нибудь успешно боролся с коррупцией?), ни даже какого-нибудь завалявшегося образца для подражания, ни перечня первоочередных объектов приложения усилий... С основными объектами мы были заочно знакомы (это по сверхзадаче), они возглавляли список Пола Хлебникова, но до них пока было так далеко, что даже не стоило упоминать их имен всуе. А кроме того, у нас не было элементарного штатного расписания и функциональных обязанностей!

То есть ловкий Витя нас озадачил, снабдил матбазой и бросил на произвол судьбы. Работайте!

Штатное расписание Иванов родил лично, исходя из специфики предполагаемого(!) рода деятельности. Обязанности каждый из нас составил себе сам, исходя из штатного расписания. Короче, сплошной волюнтаризм, военные меня поймут.

Потом мы несколько дней осваивали помещение и учебный центр, после чего Иванов не выдержал и опять полез к Вите.

– Не подумайте, что мы такие тупые, но... просим дополнительных указаний. Подскажите хоть, с какого конца начинать. Кого конкретно разрабатывать в первую очередь? Каким образом? Каковы в данном случае приоритеты?

Витя легкомысленно отмахнулся: ну ты какой вредный... чего пристал? Задачи определены, ими и руководствуйтесь. Сначала основная, потом, по ходу – сверхзад, вот вам и приоритеты. И – полнейшая свобода действий. Весь мир у ваших ног! Работайте, короче.

– Легко сказать... – Иванову, сами понимаете, этого было мало. – Работайте... А как?

– Да как обычно. Я вам верю. Иначе не поручил бы такое ответственное дело. Ну, для начала соберите всю доступную информацию по теме. А когда она у вас будет в полном объеме, сразу станет ясно, чем конкретно заниматься. Вы же у меня умницы! Вам только начать. А там – все в цвет ляжет...

Вот такой замечательный у нас патрон. Веселый и простой. Рубаха(от Версаче)-парень...

Информацию добывали непросто, а поначалу, пока не приноровились, и вовсе занимались дурной работой. Все здесь для нас было в новинку, необычно, а местами и вовсе очень странно. Не раз с теплотой и грустью вспоминали наш военный «дурдом» в зоне боевых действий, где все казалось таким простым и знакомым.

Дурная работа была представлена таким вот образом: вламывались к людям «сверху», с парадного входа, предъявляли полномочия и требовали полный расклад по делам ведомства. Нас всюду пускали, безропотно давали доступ к секреткам, позволяли смотреть все, что там находится, и беседовать с любыми сотрудниками по нашему выбору. Мы очень быстро убедились, что во всех ведомствах все устроено точно так же, как у нас, военных. То есть в секретках хранятся штампованные материалы целевых и комплексных групп, образцовые заключения служебных расследований и фиктивные акты всех подряд липовых комиссий. А люди, с которыми довелось общаться (у нас работает Исполком, будут беседовать: смотрите мне, чтобы одну только правду о том, как у нас все здорово!) насчет интересующих нас вопросов, молчали как рыба об лед и рассказывали местные былины-прибаутки.

Приноровились мы тем не менее довольно быстро, дурную работу забросили, взялись за старое. Старое – это друзья-знакомые, аналитическая работа по несвежим, но доступным базам данных, привязка их к современности и замысловатые интриги в верхнем уровне.

Расшифровываю каждую составляющую по отдельности.

В 1993—1994 гг. (многие товарищи наверняка вспоминают этот сложный период недобрым словом) был большущий отток офицеров из Вооруженных сил в органы и разные полугосударственные, а то и вовсе коммерческие организации. Помню, был какой-то хитрый указ, разрешающий разброд и шатание по всем подряд военизированным структурам, люди пользовались этим и удирали в поисках лучшей доли. Таким образом в органах правопорядка и на некоторых солидных предприятиях оказалось немало наших однополчан, друзей и боевых братьев.

Мы подняли все адреса, обзвонили кого достали – получился довольно нехилый список, и принялись системно общаться с этими интересными товарищами. Некоторые из них, кстати, за прошедшее десятилетие успели сделать карьеру и обрести солидными связями.

Информированная Лиза аккуратно дала Вите наводку (чтоб не ссылаясь на нее – ей еще работать с этими товарищами), и ФСБ с барского плеча скинула нам десяти-пятилетней давности базы по оргпреступности, наркомафии и злоупотреблениям крупных чиновников. По базам никто уже не работал, все дела были закрыты... Но люди (кроме тех, кто совсем умер), на которых составлялись в свое время эти данные, вполне благоденствовали и продолжали тихонько трудиться каждый на своем месте! Это был очень ценный материал, чекисты, как всегда, работали на пять баллов: оставалось лишь сказать ребятам огромное спасибо и... ждать случая, когда этими базами можно будет воспользоваться. Потому что в данной ситуации они пока что выступали в роли произведений Дюма-отца: жутко интересно, захватывающе... и не более того. В обозримой видимости даже отдаленно не просматривались условия для того, чтоб можно было дать этим материалам ход. Единственная польза: поближе, что называется, изнутри, познакомиться с некоторыми ныне действующими столпами истории, большими людьми государственного управления и российского бизнеса.

Интриги, как водится, плел товарищ Иванов. Он у нас большой мастер по части тонкого пускания слухов и сглаживания на ровном месте вроде бы паритетных сторон.

Я на этих интимных встречах не присутствовал, но, памятуя о том, каким образом это делалось у нас в группировке, запросто могу сказать, как примерно все происходило здесь.

Иванов являлся, допустим, в Н-скую префектуру, у которой давняя и затяжная война с УВД. И, уединившись в кабинете с первыми лицами, доверительно сообщал что-то типа:

– В настоящее время Исполком расследует некоторые шалости больших ребят нашего дорого УВД. Настаивать не смею, но... может, поделитесь своими мнениями на данный счет?..

А потом таким же гоголем заваливал в УВД – но уже насчет префектуры. Список слегка соперничающих и откровенно враждующих структур и ведомств составить было нетрудно, о таком столичном раскладе разве что глухонемой таджик на стройке века не знал.

И знаете... Делились как миленькие. О себе ни слова, но облить помоями конкурента – это вполне в духе нашего национального менталитета. А порой и о себе было. Желание утопить соперника нередко захлестывало с такой силой, что радение о собственной безопасности отступало на задний план.

В общем, помаленьку у нас все вошло в колею, и довольно быстро мы насобирали вполне приличную информационную базу. А кое-что из этой базы очень даже эффективно обработали сугубо в утилитарном аспекте: хоть сейчас возбуждай уголовные дела и начинай официальное следствие. Причем не по кому попало, а в отношении не самых маленьких людей нашей великой страны!

Впрочем, ничего мы возбуждать не собирались, держали до поры как возможный компромат.

Это было не наше... Дела, коль скоро таковые не развалят на корню в доследственный период и все же примут к производству, будут вести прокуратура и ФСБ. Насчет коррупции там – ни слова. Кроме того, там такие люди фигурировали, что, начини мы ковыряться самосто-

ятельно, без посвящения соответствующих структур, можно было огрести нешуточную войну со стороны всей ведомственной мафии, причем не на жизнь, а на смерть. К такой войне мы пока что были не готовы, да и, честно говоря, это не входило в наши планы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.